



*Владимир Баум*

# Гибель королей

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

Гибель бургундского королевства

Владимир Баум

**Гибель королей**

«Автор»

2026

## **Баум В.**

Гибель королей / В. Баум — «Автор», 2026 — (Гибель бургундского королевства)

"Гибель королей" — эпический финал серии "Гибель бургундского королевства" нашумевшего молодого писателя Владимира Баума. Живой мир, красочные боевые сцены, эпические сражения, невероятные сюжетные повороты — всю это и многое другое вас ожидает в заключительной книге серии.

© Баум В., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	36

# Владимир Баум

## Гибель королей

### Пролог

На улице уже начало светать, когда любовники приняли решение расстаться.

«Ещё одна бурная ночь», — мысленно заключила Белуга, устремляясь вверх по крутому, освещённому светом луны, меловому склону с пляжа близ Андеритума — городка-форта на юге Британии под римским владычеством. Лишь номинальным.

С тех пор, как легионы покинули остров несколько месяцев назад, оставив лишь мелкие гарнизоны в некоторых поселениях (Андеритум в их число не входил) для охраны, Британию уже нельзя было считать римской. Это понимала и Белуга, хоть и была женщиной. Это было понятно и многим другим. Лишь вопрос времени, когда на отделённом от Империи острове начнутся восстания давно покорённого кельтского народа, а то и вовсе захват придёт извне — из Келедонии (современная Шотландия) или Гибернии (современная Ирландия).

Гиберния... Наверное, будь это место не столь ужасным и чуть более приветливым, Белуга испытала бы тёплые чувства к этому названию — ведь сама она происходила из народа гибернов. Правда, лишь наполовину. Многие называют их народ по-разному: гибернами, иберами, эрбинами — но как ни назови, суть не меняется. Очень воинственная и варварская суть...

Наверное, нет на земле места более дикого и сурового, чем Гиберния — отец её был с этого острова, но погиб в налёте на римскую землю где-то на западном побережье Британии. А может, и не погиб... Мать её была критянка, которая, к слову, и зачала её на этом самом восточном побережье Британии... Она много раз рассказывала дочери, как это было. Пусть не сразу, а с возрастом, когда та подросла. Собственно, рассказывать толком и нечего: обычный налёт со всеми вытекающими (западная часть Британии частенько страдала от налётов гибернских и других пиратов), производимых воинственными гибернами, но для Рима этот урон был столь незначительным, что его можно даже сравнить с назойливой мухой, то тут, то там присаживающейся на тело слона — мать её изнасиловали, она понесла — со временем и родилась она, Белуга. Кто был её отец точно нельзя сказать, но можно поступить в данном случае методом исключения: исключить черты матери, и посмотреть, что остаётся. А остаётся следующее. Мать её была стройна, тонкокосна и весьма невысока. Дочь же оказалась выше матери, что говорит о том, что и отец был явно выше неё-самой. От отца Белуге достались и волосы: у матери они были вьющиеся и чёрные, что вороново крыло, а у неё светлы и даже без намёка на «курчавизну». Кость тоже явно толще материнной, а лицо шире, как и нос, сам нос вздёрнут, глаза, в отличии от материнских карих, голубы — вывод напрашивается сам собой. Признаться, весьма странный набор признаков, особенно если учесть, что черты матери явно доминантны...

Но это лишь внешняя часть — культурно, если можно так выразиться, она пошла полностью в мать, ибо нрав у неё, как у всякой критянки, был весьма распутен. Как он думала. Даже сейчас, устремляясь по меловому крутому подъёму с пляжа в гору, она несла на теле своём критское народное женское облачение — Авл, её возлюбленный, очень любил этот наряд за открытую грудь — в области груди этого белого длинного платья красовалась огромная прорезь, словно у расшнурованного халата, из-за чего женские груди обнажались во всей своей красе, но такова была задумка древнего «дизайнера». Безусловно, для Рима данный наряд не был чем-то из ряда вон выходящего, но с распространением христианства «на людях» такое стало носить непотребно, но Белуга нисколько не боялась, что кто-то её обнаружит в предрасветных сумерках при возвращении в форт — Авл, её возлюбленный, как раз служил в мест-

ном гарнизоне и уладил этот вопрос со своими сослуживцами — дабы его любовницу без проблем пропустили и не задавали вопросов о её «наряде».

Авл... Она продолжала взбираться на гору и ещё чувствовала внутри его тёплое семя.

Они решили, как и всегда после своих любовных утех, вернуться в Андеритум по очереди, не привлекая не нужного внимания. Благо форт был совсем близко от пляжа, где они предавались блуду, а дорога безопасной. Опасность крылась в другом — застать на этом пути мужа. Но по расчётам Белуги этот тупой мужлан должен валяться сейчас где-нибудь пьяный...

Она наконец закончила подъём, и перед ней вместо белого мелового пространства открылась зелёная британская травка, щедро поливаемая небесами дождём. Правда, сейчас эта трава казалась, скорее, тёмно-синей в предрассветных сумерках.

Белуга пошла дальше в сторону форта и продолжала думать об Авле. О его запахе, смуглой коже, кудрявых, как у её матери, чёрных волосах, плоти между ног...

Она познакомилась с ним около года назад, когда римские легионы ещё стояли здесь. Ему настолько полюбилась Белуга, что он принял решение во что бы то ни стало остаться здесь, с ней. И ему это, не без труда, удалось. Теперь он охранял местный форт от... даже и не скажешь, толком, от кого — гиберны и другие кельтские пираты сюда никогда не вторгались, а по другую сторону от пролива греет северная Галлия — совершенно безопасная и подконтрольная Империи.

Тут ей на ум снова пришёл её муж.

Ну конечно! Именно от этого пьяницы и должен охранять её здесь Авл!

А форт всё приближался... Вернее, Белуга всё ближе и ближе подходила к нему. А с тем и множилась тревога в сердце путницы-блудницы.

«Ничего не случится. Он, как и всегда, сейчас лежит где-нибудь в обнимку с бутылкой, шлюхой или свиньями...», — продолжала мысленно утешать себя Белуга. Действительно, всегда так и было — она возвращалась, а он либо был в стельку пьян, — при таком раскладе чаще всего его даже и дома-то не было, — либо гулял со своими девками, — иной раз она даже заставляла мужа с подобными особами прямо в их доме, и потому совесть изменницы была чиста, ибо у неё имелось алиби: «Коль ему можно изменять, то и я могу», — думала она всегда на сей счёт, — либо же, да, валялся в свинячем загоне — именно там его один раз и обнаружила стража, как раз тогда, когда службу нёс её любимый Авл — он-то и поведал ей эту историю, хоть и не любил лишний раз вспоминать о муже возлюбленной.

Муже... И зачем она только вышла за этого болвана. Анавос, — так звали её мужа, — был по происхождению бритом — из местного кельтского субстрата, завоёванного римлянами, такими, как Авл... Глядя на своего мужа, Белуга могла воочию представить, как мог выглядеть и её папаша, только в отличии от матери, она вышла за него добровольно, по собственной воле. Хотя, кто знает, может, и мать её была рада такой насильственной связи с её отцом...

Аनावос был воплощением дикости. Наверное, в Гибернии жили примерно такие же люди, хотя, ей порой казалось, что и людьми-то это называть не следует... Муж ей представлялся воплощением дьявола, о котором так часто толкуют священники, как порой слышала от них Белуга из их описаний сего персонажа, с которыми, к слову, жителям Андеритума особо не приходилось контактировать из-за отсутствия в их поселении и рядом с ним церковью. Впрочем, Белуга не был столь подкована в знании христианства, чтобы судить наверняка о природе дьявола. Муж же её был очень свиреп — даже белокурые волосы его, почти седые, стояли дыбом постоянно и меньше всего на свете ей хотелось сейчас увидеть эти шевелюру и физиономию. Эти вечные синяки под глазами — то ли от пьянства, то ли ещё от чего. Эти белые усы — постоянно забирающиеся в рот ему-самому и Белуге, когда её мужу вздумается её облобызать — под широким носом с огромными ноздрями, которым он то и дело постоянно шмыгает и отхаркивает из него густое содержимое. От воспоминаний об этом существе хотелось кричать. Но времени на это не было — она была уже близко.

— Стой! Кто идёт?! — прокричал стражник на стене.

— Ты что же, ослеп?! — послышался голос другого стражника, едва Белуга открыла рот и собиралась уже назваться. — Не видишь что ли? Возлюбленная нашего сатира Авла! Пропустите её! — напоследок махнул он стражникам вниз, под аркой входа в форт.

Она прошмыгнула под крышу вдолбленных в деревянную широкую стену открытых ворот — форт их был не столь значим и не столь богат, дабы стены его были каменными, однако важные госстроения были всё же в основном из камня — даже баня имелась.

Форт встретил её пляской пламени факела в её глазах — через час здесь закипит жизнь: ремесленники выйдут на работу, а лавочники за свои прилавки.

Миновав рынок почти сразу у южного входа в Андеритум, Белуга предстала перед порогом своего двухэтажного каркасного жилища — именно в таком жилье чаще всего жили простолюдины Британии в ту пору. Дом стоял на невысоком фундаменте и от входной двери её разделяло ещё и крыльцо. Над окнами второго этажа болталось сохнувшее бельё на верёвках. Помедлив ещё мгновение она шагнула ко входу.

Не прошло и минуты, как входная дверь тёмного дома со скрипом затворилась.

Она ощутила чьё-то присутствие по запаху алкогольного перегара в помещении.

И не ошиблась.

— Здесь кто-то есть?.. — полушёпотом бросила она во тьму.

— Я ждал тебя... — с ноткой жестокости в голосе тихо прошипел её муж. — Где ты была?..

— Я... Я... — не находила слов пойманная на горячем Белуга.

Последовал первый удар — куда-то в челюсть — следующий же выключил ей свет.

## Глава первая

Дождь продолжал лить, как из ведра, а копыта Грани вязли в том, что некоторые склонны были называть дорогой — Марвин отнюдь не мог сейчас назвать то грязевое месиво, по которому он ехал верхом, дорогой. Однако это была именно она, дорога, а вернее «он», тракт — бургунды звали этот маршрут на северной границе своих земель просто — «Северный Тракт» — без изыществ и излишеств речи. Темень была непроглядная, но белый конь, — прекрасный белый конь Зигфрида по имени Грани с белоснежной густой и длинной гривой и таким же густым и длинным белоснежным хвостом, — всё равно как-то находил дорогу. Впрочем, Марвин, не собиравшись ему в этом препятствовать. Он был погружён в свои мысли и ещё так и не отошёл от того, что он уже совершил и ещё намерен совершить.

«Чёрт бы подрал этот проклятый дождь! Когда же он уже наконец закончится!», — ругал он природную стихию у себя в голове.

Подумать только: ещё недавно они — Зигфрид, Марвин и две их неожиданные и вынужденные спутницы: валькирия Гейр, которую Зигфрид решил пощадить при не столь давней потасовке; и опороченная разбойниками короля Гундомара дочь ремесленника Бруно Ульфсона по имени Амалия — так рьяно устремлялись на восток, в деревню Косзан, дабы воссоединиться там с остальными спутниками: бургундским младшим принцем Гизельгером, его сестрой Кримхильдой и многими другими — теперь же, правда, один-лишь Марвин, бывший бургундский пресвитер Старгарда, рвался в обратном направлении — на запад: подальше от Зигфрида, бастарда короля Гибики и Уте — Хагена, объявившегося вместе с, — вот те на!, — теперь уже КОРОЛЕМ! Гунтером! Подальше от назойливого, словно муха, летящая на говно, принца Гизельгера и от его паскудной сестрицы Кримхильды, постоянно то ли с надменным, то ли с наигранно-сочувствующим выражением лица — Марвин просто терпеть не мог последнюю — уж он-то знал, что эта «особа» ещё проявит себя с худшей стороны... Ему хорошо были ведомы все страсти бабьего племени, разумеется, не в последнюю очередь с подачи до сих пор многоуважаемого им бывшего епископа Бургундии Ария. В любом случае он не собиравшись больше никогда не встречаться с этим сборищем. Да поможет ему в этом Бог!

Но как так получилось, спросит заинтересованный читатель, что ещё недавно дружный с описанными выше персонажами пресвитер Марвин теперь ехал от них подальше и духу их выносить не может? Ещё более внимательный читатель обратил внимание и на ездовое животное... «Почему это Марвин едет на запад верхом на Грани?! — легендарном скакуне Зигфрида?», — спросит такой тип читателя. Спокойно, весь рассказ ещё только впереди...

А всё началось ещё пару недель назад, когда он, Зигфрид и две их спутницы двигались пока ещё на восток, в Косзан. Память Марвина ещё хорошо помнила те события...

— Как спалось, спящая красавица? — подколот Марвина Зигфрид за завтраком — они разбили лагерь в объятиях небольшого леска — они держались подальше от основных бургундских дорог, на которых могли ошиваться прихвостни короля Гундомара — ах, не знали они ещё тогда, что опасность их может поджидать не только лишь на дорогах, а опасаться следует не только лишь слуг короля!..

— Как никогда в жизни желанно и приятно! — ответил бывший пресвитер. Ещё бы, ведь все последние дни ему только и приходилось, что спать в собственном дерьме с мочой в стенах часовни Старгарда, откуда его из заточения гундомаровой своры и вытащил как раз Зигфрид.

А дождь всё так же моросил. Погода стояла пасмурная. В послеполуденное время отряд выехал на достаточно большую поляну.

— Отец!, смотри!, радуга! – воскликнула ехавшая чуть позади Амалия, и указала вперёд. Бедная девица... Ещё не так давно, несколько дней назад, её изнасиловало полдюжины сторонников короля Гундомара, наводящих самый настоящий шухер на местное население Старгарда — спас же её из лап этих мерзавцев, опять же, Зигфрид — теперь она ещё находит в себе силы радоваться... РАДУГЕ!

Марвин и остальные подняли голову в том направлении, куда указывала Амалия – да, там действительно виднелась радуга. Но тогда никто не предал ей никакого значения...

Спустя ещё минут пять спокойного и медленного движения прямо на тропе, по которой редко кто путешествовал, по которой они как раз сейчас двигались, кто пешком ходом, а кто верхом, показались три тёмных силуэта – метрах в трёхсот от них.

— Кто это, там, впереди? – спросил кто-то неизвестный из конвоя – в прошлом житель Старгарда.

— Да, кто это?.. – заволновался другой.

— Наверное, охотники... – сделал предположение Бруно Ульфсон, отец той самой Амалии.

— А почему они, тогда, стоят и смотрят на нас так грозно?.. – спросил кто-то из спутников.

— Вот подойдём и спросим... – ответил кто-то.

— А вот мне почему-то не хочется к ним даже подходить... — отозвался третий.

— Не нравится мне это... – высказал опасения четвёртый.

Зигфрид не сводил взгляд со стоящих примерно в метре друг от друга в ряд трёх тёмных силуэтов.

А конвой всё продолжал идти вперёд. Он заметил, что один конец ранее замеченной Амалией радуги спускается к этим трём неизвестным. Тут до них осталось метров сто пятьдесят – теперь каждый, кому позволяло зрение, мог рассмотреть силуэты впереди: Марвину зрение также позволяло... Он увидел перед собой три белокурые девы в кожаных коричневого цвета сапожках, на каждой было по серебряной блестящей кольчуге на нагом бледном теле с декольте, открывающем среднего размера грудь примерно наполовину, головы же их венчали местами позолоченные крылатые шлемы – из каждого шлема по бокам торчала по два крыла такого же, как кольчуги, серебряного цвета. На поясе у каждой по бокам болтались дорогие ножны, строящая в центре упирала о землю дорогое местами позолоченное копьё.

И тут Зигфрида что-то осенило.

— Дьявол бы их побрал! Все к оружию! – он также выхватил Нотунг, отцовский меч, из ножен.

— Не спеши умереть, сын Зигмунда! – воскликнула одна из неизвестных дев. Испугавшийся отряд немного успокоился – среди них не было воинов. Совсем. Кроме Зигфрида. Если кто и хотел "выхватить меч" или другое оружие – у того его либо не было, либо он не умел им пользоваться.

— Ты знаешь меня? Откуда? — громко спросил их Зигфрид.

Вопросы остались без ответа, а воскликнувшая ранее неизвестная добавила:

— Стой там, где стоишь, принц! Мы сейчас подойдём!

И они уверенной походкой двинули в направлении конвоя. Не прошло и минуты, как они оказались совсем рядом с ними. Зигфрид поспешил спешиться. То же сделал и Марвин, и при этом спросил:

— Кто они?..

— Ты что же, ослеп!?... – выругался Зигфрид, – Ты пресвитер Старгарда или я!?...

Из всего их отряда верхом ехала примерно половина — остальные тоже стали спешиваться.

– Ну привет тебе, убийца Фрейи... – улыбнулась стоящая в центре из трёх подошедших неизвестная, лик её был прекрасен, однако Зигфрид, должно быть, знал, что это обман, но на тот момент Марвин ещё не понял, что из себя представляют эти девицы, не понял, что это иллюзия, обман зрения: такой же, как и в случае с той же Фрейей... Было очевидно, что эти трое тоже осознают, что их личина известна, по крайней мере, некоторым из них.

Стоящая в центре дева продолжила:

– Вид у тебя что-то не очень, Зигфрид, сын Зигмунда... (скандинавы бы сказали "Зигмундсон"... ) – и снова улыбнулась, – Неужто ты боишься нас!?

Марвин тем временем внимательно рассматривал неизвестных.

Ранее говорившая продолжила:

– Ну-ну, принц, не трясись ты так... – и улыбнулась, снова. – Позволь представиться: моё имя Гель, это Гейр, – указала она на стоящую от себя по правую руку такую же изящную деву, – а это Гёндуль, – то же действие проделала и с другой своей соседкой, по левую руку, – мы пришли с миром.

"Мирняк", казалось, немного успокоился.

– И что вам нужно? – попытался сдержать тревогу в голосе принц – ему это не удалось.

– Ты весьма огорчил нашего отца... Признаться, Всеотец рассчитывал, что бастард убьёт тебя... Однако Хаген встал на твою сторону... – продолжила улыбающаяся.

– Что за чёрт!? О чём это она!? – вмешался Марвин.

– Тсс!, потом... – остановил его Зигфрид. Та продолжила:

– Впрочем, теперь это уже не важно... – продолжала она также и улыбаться, – Всеотцу нужна была Фрейя живой, теперь его планы изменились... – улыбка белокурой бестии стала ещё зловещее – губы каждой девы были чем-то напозажены до красноты – у улыбающейся показались белоснежные зубы.

– О Боже, она сказала «Всеотец»?.. Я не ослышался!?!.. Господи, Зигфрид, скажи мне, что она не про Вотана... – Марвин стал обливаться холодным потом – одна из капель текла по его скуле. Помимо всего прочего дождик также продолжал легонько моросить. Дева же проложила:

– Наш отец требует от тебя это, – она указала на пояс Зигфрида, на котором красовался Брисингемен.

– «Наш отец»?!?!... – пискнул Марвин. – О, Боже... — Марвин окончательно понял, что за трио стоит перед ними — очевидно, это валькирии-падальщицы — дочери- девственницы бога Вотана.

Та в свою очередь продолжила:

– Отдай этот пояс нам, и ты и весь твой отряд останется в живых и вы уйдёте восвояси.

– Говорила переставшая улыбаться дева теперь уже с серьёзным выражением лица.

– Но на кой Вотану сдался этот пояс? – спросил принц.

– Вотану, значит... – поник Марвин, а сам подумал: «Это действительно они! Не может быть! Нам всем конец!»

– Это уже тебя не касается, смертный!.. – грозно ответила Гель. – Не трать наше время в пустую! Делай, что велено!

– Зигфрид!.. – взмолился Марвин, взяв его за воротник. – Отдай им то, что они просят... Они ведь нас всех перебьют!..

– Умный мальчик. – Красные губы Гейр сделали сие замечание, обнажив при этом белоснежные зубы позади улыбки.

– Так пусть, если он не хочет отдавать нам Бресингемен, сестра, эти мешки с грязью сами для нас его добудут! – гортанным голосом предложила Гёндуль, обводя рукой толпу собравшихся спутников за спиной Зигфрида, имея в виду их же. – Зачем же нам тратить силы и пачкать руки об эти нечистоты?

– Отличная мысль!.. – снова заулыбалась Гель.

– О чём это они? – буркнул Бруно Ульфсон чуть позади.

– Ну так что, красавчик? – снова взяла слово улыбающаяся Гель. – Ты отдашь нам этот пояс или готов пролить кровь всего этого простого люда?..

Отдавать пояс «красавчик» явно не собирался.

– Зигфрид, прошу... – молил его Марвин. – Отдай им этот треклятый пояс!.. – он пал на колени перед ним и ухватился за его штаны, через ещё пару мгновений он начал рыдать. Марвин, сколько себя помнил, всегда был трусом, но сейчас он просто чудом не обмочил штаны — наверное, благотворно сказало недавнее справление малой нужды.

А Зигфрид тем временем ответил вопрошающей:

– Ты не получишь этот пояс, ведьма. Это мой трофей. Это вы убирайтесь восвояси! – взмахнул он левой рукой, свободной от меча.

«Нет... Как он так может?», — пронеслось в голове у Марвина и он в глубине души уже приготовился к смерти.

– Вы всё слышали! – обратилась Гель к всем спутникам принца франков. – Теперь, увы, либо вы, либо он! – указала указательным пальцем Гель прямо на Зигфрида и безумно расмеялась совершенно зловещим образом.

– Как это понимать, папочка?! – проблеяла позади Амалия и зарыдала.

– Прячься скорее, дочь моя!

– Мы не будем сражаться с Зигфридом! – вышел кто-то из толпы. – Он спас нас от людей короля. Если бы не он, нас бы в дальнейшем растерзали люди, — он сплюнул на мокрую землю, явно тем самым выказывая презрение к упомянутому снова в дальнейшем королю, — с позволения сказать, «короля» Гундомара.

Остальные спутники Зигфрида тоже явно не горели желанием сражаться с ним. Многие из них, после услышанных слов, согласно заворчали.

– Да, мы не будем с ним биться!..

– Убирайтесь лучше вы отсюда!

– Зигфрид спас нас! — прокричала истеричная женщина.

«Жалкие глупцы! Они и представить себе не могут, с кем только что связались!», – в свою очередь подумал Марвин.

Гель вдруг погрузилась.

– Идиоты! – заорала она. – Ваш «герой» только что подписал вам смертный приговор! В атаку сёстры! – две сестры Гель также извлекли по мечу из ножен. Кони с ржанием разбежались, а две группы схлестнулись в поединке. А вернее, один Зигфрид сошёл в бою с Гель, вооружённой копьём, её же сёстры устремились вырезать безоружных спутников принца. Марвину повезло: поскольку он путался в ногах Зигфрида, меч сестёр Гель пока миновал его, но смертоносные валькирии, дочери-девственницы бога войны Вотана, устремились рубить направо и налево убегающую и вопящую толпу, словно свиней. Зигфрид удивительно легко справился с Гель: первый же удар после нескольких парирований разрубил её копьё надвое при попытке парировать удар Нотунга.

– Но как!.. – ошарашенно уставилась одна из валькирий на обрубки своего копья в руках.

– Вот так. – Ответил ей противник и сбрил её иллюзорно-прекрасную голову с её торса.

– На помощь! – послышалось за спиной. Зигфрид обернулся. Многие были уже перебиты.

Прямо на его глазах Гёндюль пронзила насквозь Бруно Ульфсона, отца Амалии, которая в свою очередь встретила смерть отца громким криком:

– Отец! НЕТ!

– Беги... Беги... – только и смог вымолвить он перед тем, как меч валькирии был извлечён, окровавленный, наружу из его туловища, после чего свет окончательно померк в глазах убитого.

Зигфрид тем временем оказался рядом с убившей Бруно Гёндуль. Воспользовавшись внезапностью при атаке со спины, он нанёс рубящий удар в район шеи, но та вовремя усекла приближение врага, и успела отпрыгнуть – Нотунг разрезал кольчугу валькирии словно лоскут ткани – звенья брони посыпались, а сама кольчуга слетела с нагого тела Гёндуль в мгновение ока – теперь она была абсолютно голой в своих кожаных сапогах, крылатом шлеме и с мечом в руке. Казалось, она сама не ожидала, что попадёт в такое неловкое положение – она только и могла, что держать рот открытым от изумления и разглядывать своё нагое тело. Марвин знал, что это обман – вдохни он запах ладана, и эта красотка превратится из прекрасной девственницы в дряхлую падальщицу, похожую на обезьяну, – это всё была иллюзия, – и потому Зигфрид, ни секунды больше не медля, нанёс рубящий удар сверху вниз. Но к удивлению последнего, та отбила удар, но, вот беда, её меч разнесло в щепки от удара волшебного Нотунга. Следующий удар по закрывшейся руками от лезвия был уже смертельный.

Зигфрид огляделся по сторонам – Гейр закончила с остальными: в живых остались только он, Амалия и рыдающий в грязи Марвин.

– Сёстры! Нет! Не может быть! – она стояла метрах в десяти от Зигфрида, который ответил:

– Твои сёстры мертвы, теперь пришёл и твой черёд! Иди сюда!

– Но!.. как ты это сделал?.. Как ты посмел убить их!? Как ты СМОГ убить их?!

– Довольно! – и принц рванулся к ней. Нанёс удар – Нотунг снова разнёс в щепки меч валькирии: епископ Арий не соврал – этот меч крушит и доспехи и оружие – даже и не интересно как-то стало, с таким-то преимуществом в бою!..

От этого удара Гейр не устояла, и упала на землю.

– Нет! Не убивай! Прошу... — взмолилась она. — Пощады!

Зигфрид всмотрелся в эти умоляющие голубые глаза ангельского существа. Как он и ожидал, эта тварь пустит в ход свои чары: попытается надавить на жалость, выпросить пощады... Да она и переспать готова прямо сейчас с ним!, только бы он не лишал её жизни... Прямо на трупах своих сестёр! До конца не ясно, почему, принцу действительно стало жаль её... Но другая часть сознания говорила: "Нет! Остановись! Помни: это лишь иллюзия! За этим красивым телом скрывается страшного вида монстр, питающийся кровью убитых!" Зигфрид ещё раз вспомнил все рассказы епископа Ария об этих существах – о валькириях. Через много лет скандинавские скальды эпохи викингов, когда подобных тварей больше уже не останется на Земле, придумают красивый образ валькириям, как девственницам, которые уносят павших воинов в Вальхаллу (чертог эйнхерий, или избранных воинов Вотана/Одина, которые во времена Рагнарёка (скандинавского Конца Света) вступят вместе с ним в последний бой с силами Хеля), какой образ они сейчас и приняли перед Зигфридом и остальными, но суть была в том, что на самом деле валькирии – это да, может, и девственницы, но никаких павших воинов они никуда не уносили – они всегда лишь жрали плоть павших воинов и не только воинов!

– Прости... Я не могу оставить тебя в живых... – и замахнуться для удара.

– Не-е-е-т! Не убивай! – зарыдал иллюзорный облик валькирии, видом прекрасный.

«Что такое, Зигфрид? Где же твоя непоколебимость? Почему ты не можешь хладнокровно зарубить эту тварь?», – заговорил с Марвином, наблюдавшим за всем происходящим со стороны, его внутренний голос.

– Я должен тебя убить!.. – очевидно, сам себя пытался в этом убедить принц, направив кончик Нотунга на Гейр, пока безуспешно.

– На кой она нам? – подошёл наконец сзади грязный и немного пришедший в себя Марвин. – Вали её, ну.

– Нет... Прошу!.. – та встала на колени и опустила голову.

– Убей её! Её сестра убила моего отца! – вопила валяющаяся в грязи недалеко Амалия.

– Я... – замылся принц, – Я не могу...

– Ты что, забыл все наставления Ария, дурак!? – воскликнул Марвин, – Дай ей волю, она перережет нам горло во сне!

– Я буду служить тебе, принц... Но прошу, милуй... – с опущенного лица валькирии падали слёзы на мокрую в том числе и от дождя землю.

– Не слушай её! Или, может, ты и все эти трупы наших земляков заодно прихватишь с собой!? Кормить-то ты её чем будешь? Болван, ты подпал под её чары!

– Это вовсе не так, господин Зигфрид! Я в состоянии есть еду человека! Простите меня, прошу вас! Не убивайте! Я отрекаюсь от своего отца и от служения ему! Прощу у Господа милости! – она теперь уже упала на землю, продолжая сидеть на коленях, всем своим телом, распластав руки по земле перед собой, – Господи!, прости меня! Прости! Всели в душу этого мужа жалость ко мне и пусть он пощадит меня! Сдержи его руку от удара мечом! Дай мне, Господи, шанс искупить свою вину, молю! Дай мне шанс спасти душу свою!..

Тем временем Амалия, о которой все уже успели позабыть, с криком понеслась, вооружённая обрубок меча Гёндуль, в их направлении с намерением пронзить демонессу.

– Нет! – рубануть Зигфрид по остаткам меча валькирии, как он заметил, не сумел бы, и потому отсек кисть держащей его Амалии, теперь та орала по другой причине, ещё пуще прежнего.

– Что ты наделал, глупец!? – ринулся к ней Марвин. – Амалия! Амалия!..

Зигфрид лишь тяжело дышал, глядя на изувеченную им дочь Бруно Ульфсона.

– Не убивай... – снова застонала Гейр, напомнив о себе. Зигфрид резко и с испугом перевёл острие Нотунга теперь на неё. – Не убивай, прошу...

– Хорошо! – ответил наконец принц. – Ты пойдёшь с нами... – он сунул Нотунг в ножны, лишь встряхнув его от красной жидкости перед тем – плевать на кровь. Далее принц свистнул. – Грани, ко мне!

Пока белый конь Зигфрида нёсся к нему, ему оставалось лишь стоять и слушать стенания Амалии и то, как её успокаивает Марвин.

– Нам нужно прижечь её рану, – подошёл к принцу вдруг оказавшийся рядом Марвин. – Это остановит кровь и дезинфицирует рану.

– Тогда станем лагерем вон у того леска, – указал принц на растительность к северу. – Забирай её, я займусь... Эй, а звать-то тебя как?

– Я Гейр...

– Я займусь Гейр, — заключил принц, повернувшись к Марвину.

Грани наконец прибыл, а вместе с ним и верёвки на седельных сумках, которыми Зигфрид туго связал руки за спиной у Гейр.

Спустя час уже всюду полыхал костёр – он был разведён из запасных сухих дров в инвентаре отряда.

– Мы так и оставим гнить их тела вот так? – поинтересовался Марвин, указав на юг, где не так далеко всё ещё продолжали лежать их убитые товарищи, к трупам которых уже потихоньку стали слетаться стервятники.

– У нас нет сил и времени заниматься ими... – уселся на поваленное дерево Зигфрид. – Займись лучше Амалией.

Та продолжала плакать, но больше не кричала – она была где-то между сознанием и состоянием без сознания. Ей требовалось прижечь обрубок руки куском меча одной из валькирий, который прямо сейчас нагревал на костре Марвин, а далее перевязать руку. Он посмотрел на еле-живую сидящую рядом Амалию и покачал головой.

– Я не думаю, что она выживет... – диагностировал он и посмотрел на Зигфрида.

– Она выживет, я чувствую, – он встал. – Я буду держать, а ты жги. Амалия, – он подошёл к ней, – сейчас будет немножко больно...

Через пару мгновений снова раздался крик несчастной, после которого она потеряла сознание.

– А теперь перевязку.

Марвин поспешил выполнять приказ. Далее Зигфрид перенёс её в палатку и аккуратно положил.

– Твою мать, Зигфрид, какого дьявола ты делаешь?.. – спросил его, садящегося на бревно, Марвин.

– То есть?

Пресвитер покачал головой и сам уселся напротив.

– Оглянись вокруг... – указал он рукой в сторону лежащих где-то к югу трупов их ранее живых спутников. – Они все – убиты из-за тебя... Амалия лишилась отца и руки – из-за тебя... – указал на принца он. – Если бы ты мирно отдал этим сучкам этот проклятый Бресингемен – ВСЕ ОНИ! были бы живы... Этот чёртов пояс, – указал он на Бресингемен, – сводит тебя с ума!.. Теперь ещё ты прихватил с собой одну из этих падальщиц! – которая в это время наблюдала за происходящим сидя на лагерном бревне рядом, замыкая треугольник, по-прежнему со связанными руками за спиной, – Скажи.., зачем ты оставил её в живых?..

– «Зачем»? И это говорит мне пресвитер Церкви? А как же заповедь Христа «Не убий»?..

Марвин вздохнул, закатив глаза.

– Эта заповедь не распространяется на таких, как она. – и указал на Гейр.

– Почему?..

– Потому что это суть демон.

– А что, если она действительно покаялась?..

– Ты так хочешь проверить это на своей шкуре?.. Послушай... Вообще, не понимаю, почему я тебе подчиняюсь! После епископа Ария в иерархии Церкви Бургундии наследую главенство я!..

Зигфрид мельком успел поведать Марвину ранее, с момента его освобождения, пока они двигались сюда, что епископ Арий мёртв, а также и кое-какие другие последние события.

– Нет больше той Бургундии, ты же сам теперь уже знаешь. А ты – больше не пресвитер, стало быть.

– Но и Орден рыцарей Фрауии тоже распался.

– Да, но скажи мне, Марвин, ты умеешь владеть мечом?..

— К чему это сейчас...

— Просто ответь!..

— Нет, не умею... — чуть помедлив, ответил бывший пресвитер, и опустил взгляд.

– Поэтому ты и будешь слушать, что я тебе говорю. И я решил: Гейр будет жить.

– Ты спятил... – отмахнулся Марвин.

– Разговор окончен.

На фоне простонала Амалия. Все посмотрели на неё.

– Кажется, нам придётся задержаться здесь до утра... – заметил Марвин.

– Придётся, – сухо ответил ему принц.

– Послушай, а... Не может ли, скажем, Вотан, послать сюда ещё парочку валькирий?.. А то я, знаешь, немного переживаю за нас...

– Об этом можете не беспокоиться, – вместо Зигфрида ответила Гейр, – мой отец сейчас обеспокоен другими заботами... Да и, думаете, вас было так уж просто найти?..

– И какими же? – недовольно спросил Марвин.

– Он не делится с нами своими планами...

– Врёшь, сука!..

– Марвин! – гаркнул Зигфрид. – Не оскорбляй её...

– Ты что, спятил?! Она перебила почти весь наш отряд вместе со своими сёстрами!

– Не оскорбляй её... – теперь уже с прищуром, глядя прямо в глаза, процедил ему принц.  
– Ах! – махнул он рукой, – Ну вас! Я, пожалуй, вздремну. – и ушёл к своей палатке.

Повисла неловкая тишина. Зигфрид решил помешать рагу в котле. Спустя минуту первая решила нарушить тишину Гейр:

– Я... Герр, я хотела ещё раз поблагодарить Вас за милосердие...

– Благодарю не меня – благодари Его... – и указал пальцем в небо, глядя туда же. Повисла пауза.

– Мне вот интересно. Насколько же твоё покаяние было искренним?... – решил нарушить паузу своим вопросом принц франков.

– Вот увидите, герр, я буду хранить Вам верность.

– О, это мы ещё посмотрим. Это мы её посмотрим... – он зачерпнул рагу из котла деревянной ложкой. – Такое-то ты ешь?

– С удовольствием, – сказала она и улыбнулась.

Их разговор прервал каркнувший ворон, сидящий на одном из деревьев над ними. Собеседники обратили на него взор.

Марвин к тому времени уже лежал внутри своей палатки. Мысли носились в голове быстрее, чем мозг успевал их должным образом обдумать. Он ещё не отошёл после недавнего заключения в часовне Старгарда, и потому сон навалился на него столь же неожиданно, как и в прошлый раз.

Проснулся он вместе с предрассветными сумерками. Сначала не понял, от чего, но вдруг из соседней палатки, в которой лежала изувеченная духом и телом Амалия, послышались стоны — и Марвин сразу понял, что именно его разбудило.

Откинув занавески, он быстро выбрался из своей палатки и устремился к палатке Амалии.

— Амалия! — он откинул шторку палатки. — Ты как?

Ему не приходилось в своей жизни раньше ещё никогда видеть человека, которому было бы настолько плохо: зубы её стучали — её лихорадило; она бормотала себе под нос что-то невнятное с приоткрытыми глазами, в которых читался пустой взгляд, не сфокусированный на каком-либо объекте; головой она бессильно мотала то влево, то вправо. Несла бред.

— Бог ты мой! — он потрогал её лоб — она вся горела.

Ему нечего было предложить ей, кроме утешения — вся собственность Марвина была уничтожена людьми короля Гундомара ещё в Старгарде, а искать что-либо из уцелевших вещей времени не было — они спешно покидали этот город. Возможно, в поклаже Зигфрида и можно было бы что-то найти...

С этой мыслью он спешно покинул палатку Амалии, в которой она лежала одна. Лагерь пустовал. Только сейчас Марвину пришла в голову мысль, что в лагере их никто не дежурит, однако костёр ещё полыхал весьма сильно.

«Какого дьявола тут творится!?!», — мысленно выругался про себя он.

Немного постояв, у него разыгралось богатое воображение: а что, если Зигфрид уже убит, а эта проклятая валькирия сейчас готовится нанести ему удар в спину?

Он резко обернулся — ничего.

— Зигфрид! — прокричал вдруг он — то ли от страха, то ли от гнева.

В ответ тишина.

Он устремился к палатке принца. Откинул шторку — и в ноздри ему ударил алкогольный смрад.

— Ахххх... — резко отпрянул он. Но долг требовал-таки найти Зигфрида, — Зигфрид! — он просунул голову в палатку через отдернутую шторку и увидел следующую картину: внутри сей маленькой палатки опьянённый Зигфрид с голым торсом лежал в обнимку с совершенно нагой тварью, путы на руках которой также отсутствовали!

Принц поёжился в свете проникающего света от лагерного костра, прикрыл открывшиеся глаза рукой.

— Марвин... Чего тебе?

— Невозможно... — глаза пресвитера округлились, — Зигфрид, как ты посмел возлечь с нею?..

Тут пошевелилась и Гейр.

— Что такое, мой милый принц?.. Этот жрец опять беспокоит тебя?.. Может, мне разобрататься с ним?

— Не нужно, — буркнул Зигфрид.

Марвин же был слишком потрясён, чтобы бояться.

Он спешно высунулся из палатки и отпустил её шторку.

Тогда-то он и принял то роковое решение покинуть Зигфрида и бургундов. А с другой стороны: на что они все ему? Сам он всю жизнь был лишь тенью епископа Ария и исполнял его волю, а по происхождению он является гиберном. Всю жизнь он был трусом, но не было ни малейшей причины оставаться с ними. Власть в Бургундии захватили сумасшедшие язычники, епископ Арий убит, все рыцари Ордена рыцарей Фрауьи тоже — один Зигфрид остался, но он умер для Марвина и Господа иным образом... Он умер содомской смертью, как обозвал бы это епископ Арий. А Гунтер, Гизельгер, Кримхильда: кто они ему? Обычные болванчики, маячащие где-то на фоне его жизни. Нет, Марвин нисколько и ни в коей мере не допускал того, что им удастся этот их замысел по спешной эвакуации на кораблях куда-то на север, как говаривал ему падший принц — Гундомар достанет их. Он обязательно достанет их и прикончит, как прикончил и епископа Ария. Но сейчас не время думать обо всём этом...

Не успел Марвин уснуть с тяжёлой головой, в которой то и дело носились навязчивые мысли, и тяжёлым сердцем, как вот, он проснулся!, новый период бодрствования не принёс ничего другого, кроме новой волны потрясений, и не прошло и нескольких минут после пробуждения, как разум его снова наполнился различными мыслеформами, новыми и старыми.

Не без труда отбросив эти размышления, он начал шарить по сумам в лагере — ничего, что могло бы облегчить страдания несчастной. Устремился к Грани — единственному оставшемуся в живых коню из двух — кобыла Марвина, на которой он выехал с их отрядом из Старгарда, в пылу боя с валькириями отрубили голову — и поклажа коня Зигфрида пустовала от чего-либо, что могло бы облегчить страдания несчастной...

— Чёрт бы их всех побрал! — выругался Марвин, и хотел было уже ударить Грани по боку, но убоился ответного удара — нередки случаи, когда конь одним ударом своих копыт убивал человека — придержал удар.

Тут он, сам не ведая зачем, повернул голову куда-то вправо, в сумерки утра — только после, вспоминая этот случай, бывший пресвитер понимал, что это Сам Господь-Бог направил его взор в тот момент... Кто знает, не найди тогда Марвин то, что он там нашёл, может, и Амалии-то и в живых не осталось...

Перед его взором предстал самый настоящий, словно бы ждал его появления, красный гриб с бледной ножкой и такими же бледными точками на красной шляпке.

— Гриб берсерков! — воскликнул Марвин и устремился к находке. — Это как раз то, что сейчас нужно...

Не долго думая, он сорвал его, и чуть ли не бегом помчался обратно в палатку Амалии.

Нашёл он её внутри всё в том же плачевном состоянии, в котором она пребывала при прошлом его появлении несколько минут назад.

— Отец... Это ты?.. — простионала она.

— Нет, Амалия, это я, Марвин! — он пал пред ней на колени, — Сейчас тебе станет лучше, съешь это.

— Матушка...

«Ага, конечно, так она сама и возьмёт и съест... Какой же я болван...», — мысленно произнёс врачеватель.

Он оторвал кусочек, приподнял голову и торс Амалии, и заставил её прожевать. Кусок и ещё один... Через несколько минут она уже погрузилась в беззаботную дрему.

Марвин дождался прихода к ней крепкого сна и взялся за её культю. Размотал шину из каких-то тряпок — нагноений, воспалений и кровотечений не обнаружено. Что же, в таком случае, могло вызвать лихорадку? Лишь только прозвучал в голове этот мысленный вопрос, как сознание сразу же дало ответ — Нотунг. Очевидно, этот меч, которым Зигфрид отрубил кисть бедной Амалии, обладает какими-то ещё свойствами, о которых не знает ни сам Зигфрид, ни уж тем более кто-то другой. Этот меч, а вернее, страшные вещества в смеси, которой этот меч закалялся, могли вызвать порчу в месте обрубки конечности. У бывшего пресвитера Старгарда не было иных средств от сего недуга за исключением одного.

Он спешно направился к своей палатке и нашёл там единственный оставшийся у него предмет из его собственности — он берёт его как зеницу ока даже во время своего пребывания в заточении в часовне Старгарда — этот предмет был его утешением и с ним его не удалось разлучить слугам короля Гундомара. Заперев его внутри часовни и спалив все его пожитки в его временном месте жительства в, слуги короля и представить себе не могли, что могло храниться нечто ценное в затхлой часовенке. Бывший пресвитер развернул выдавшую виды тряпицу, в которой была сокрыта она — Библия в переводе на готский язык, сделанном Вульффилой, или Ульфилой (что можно перевести на русский язык как «Волчонок»). Этот перевод Библии представлял из себя знакомую нам Библию, состоящую как из Ветхого Завета, так и из Нового, однако в Ветхом не содержала в себе Книгу Царств — одну из самых воинственных частей Библии. Многие полагают, что церковниками это было сделано намеренно, дабы при проповеди готам и другим германцам, понимающим готский, снижать их воинственный дух. Действительно, чего стоит только один момент, где праведный царь Давид, цитата (2-я Книга Царств, 12:31): *«А народ, бывший в нем, он вывел и положил их под тилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими. И возвратился после того Давид и весь народ в Иерусалим.»* Весьма жестоко, не так ли? Подобных моментов в Книге Царств и в Библии в целом можно найти ещё уйму, однако именно этого долгое время были лишены германцы и прочие варвары, слушающие проповеди Вульфиласа и его последователей на готском из готского перевода Библии.

Марвин ещё раз с упоением осмотрел лицевую сторону обложки сей Книги. Книга была толстенная, не смотря на отсутствие Книг Царств — сама она была со всех сторон покрыта серебром, а контур по краям со вписанными внутрь свистичными узорами был позолочен — сами свастики были чёрного цвета. Такая, без сомнения, с большой буквы Книга, должно быть, должна стоить уйму денег — за неё небось и квартиру в самом Риме можно было бы приобрести за такие-то деньги! — однако Марвин ни в коем случае не намерен был продавать данную святыню — это было всё, что осталось у него в его собственности и всё, что осталось от некогда жившего и проповедующего епископа бургундов Ария Руга. Марвин теперь сожалел, что не разговаривал со своим наставником о сей Библии ранее подробнее, но тем не менее всё же помнил несколько слов, которыми с ним сам епископ однажды обмолвился по этому поводу... Со слов епископа Ария, данный экземпляр готской Библии ему достался непосредственно от самого Вульфилы, однако доподлинно неизвестно, встречался ли сам епископ с «апостолом готов», либо же эта Книга была передана ему из други рук. Жизнь епископа Ария была подобна полёту летучей мыши и сложно что-то сказать наверняка на этот счёт. Про самого Вульфилу Марвин тоже особо ничего не знал. Неизвестно даже, были ли этот «апостол готов» сам готом по происхождению или же являлся кем-то иным, подобно епископу Арию, являющемуся по происхождению ругом, однако проповедующему остаток своих дней бургундам. Одни говорят, что этот Вульфилас был то ли посланным греком, дабы смирить воинственный пыл готов всё

тем же «учением Христа», другие говорят, что он был наполовину готом, по отцу, а мать же его являлась гречанкой, возможно, изначально взятой в плен при налёте, а после на ней женился один из готов, освободив её — именно эта гречанка, очевидно, по религиозных взглядам христианка арианского толка, и могла поспособствовать к приобщению маленького Вульфилы к христианству. Точно уже и не скажешь, как оно там было.

Но что-то Марвин засиделся, облюбовывая эту Книгу со всех сторон — в соседней палатке его дожидалась ещё недавно стенающая, но смиренная грибом берсерка Амалия.

Он также поспешно направился в её направлении. Когда добрался — она всё так же мирно спала. Нужно было действовать. И он действовал.

Склонившись над ней на обе колена, Марвин быстро открыл Псалтырь в Библии, разжёг ладан в своей кадилнице, и стал окуривать палатку как следует... Тут появилась мыслишка окурить и палатку Зигфрида, дабы тот узрел, с какой тварью он совокуплялся не так давно, но Марвин быстро прогнал эту мысль. Когда благоухание, приятное Господу, распространилось по окружающему пространству, он стал горячо молиться за избавление от всех ядов и порчи Амалии, которые мог содержать клинок Зигфрида, либо от чего иного, что губило её плоть — Марвин точно не знал, что являлось причиной этого недуга. Спокойствие их нарушал лишь тихий звук падающих на палатку капель дождя.

Сложно сказать наверняка, сколько времени Марвин провёл в молитвах, уповая на Господа, однако когда он откинул шторку палатки, за её пределами уже совсем рассвело. Кажется, Зигфрид уже пришёл в себя — он что-то делал у костра, вероятно, намереваясь разогреть завтрак, что служило им ещё несколько часов назад и ужином. Рядом маячила Гейр, совсем без каких-либо пут, снова в своей серебряного цвета кольчуге, коричневого цвета сапожках, но пока хотя бы не при оружии. Крылатый шлем на голове куда-то делся.

— С добрым утром, жрец! — весело воскликнула самодовольная валькирия и рассмеялась. Её реплика заставила обратить внимание на Марвина и Зигфрида, которой встречно воскликнул:

— Марвин, да, с добрым утром!

Сейчас Марвин мог бы упрекнуть Зигфрида за то, что он вот так позволяет ей спокойно разгуливать по округе — не со связанными руками. Хороша пленница, ничего не скажешь! Но он твёрдо решил затаиться в себе... Пришло к нему это желание сразу после того, как он увидел эту парочку обнимающуюся в палатке рядом. И, конечно же, не гневить ни его, ни его новую любовницу своими нежелательными для них вопросами и замечаниями. Отныне он решил заботиться лишь о себе и об Амалии. Разумеется, пока они странствуют вместе. Да, именно «пока». Марвин всю свою жизнь был трусом, однако твёрдо решил покинуть эту «компашку» во что бы то ни стало. Сейчас же необходимо было изображать равнодушие к происходящему.

— Да, да... И вам того же, — нехотя отозвался он. — Уже взялся за завтрак, я посмотрю, — обратился он к Зигфриду. Это было, скорее, утверждение, нежели вопрос.

— Да, рагу-то надо доесть... Как там Амалия?

— Я дал ей удачно подвернувшийся гриб берсерка, сейчас она спит.

— А это тебе зачем? — указывая на Библию в руке Марвина, спросила с явной насмешкой Гейр. — Ты что, молитвы читал что ли? — и умеренно рассмеялась.

«Хорошо она пытается заслужить прощение у Господа, ничего не скажешь», — подумалось в связи с этим Марвину, в ответ же он промолчал и лишь нахмурился.

— Гейр, отстань от него, — урезонил её принц. — Марвин, тебе накладывать?

— Нет, я не хочу есть... — он и правда не хотел есть. — Спасибо, — ответил он, и молча зашагал к своей палатке, шелестя тёмно-бордовой мантией, испачканной и выдавшей вида.

Он действительно не хотел есть — последний перенесённый стресс просто не позволял и куска в рот взять. Хотелось рыдать. Другое дело Зигфрид, который, в отличии от Марвина, был полностью спокоен телом и душой, если от той души вообще хоть что-то ещё осталось...

А с другой стороны, это не плохое решение проблем: коль нет души, то и душевных страданий тоже нет... Это ж надо было найти в себе смелость сначала предать всех беженцев из Старгарда, что шли за ним по пятам, спасаясь от гнева короля Гундомара, в объятья смерти — страшные слова до сих пор стояли в ушах у Марвина: «Я не отдам вам этот пояс, — имелся в виду Бресингемен, — это мой трофей!» — как-то так они звучали. Память уже начала размывать ту роковую фразу, но смысл остался прежним. Более того! Далее этот падший принц осмелился пощадить жизнь одной из тех, кто убивала их спутников своими мечом! Но и это не всё! Он осмелился отсечь руку Амалии, когда та устремилась отомстить за своего отца этой отвратительной падальщице. Столь уж было необходимо именно сечь кисть? Неужели столь опытный вояка не мог как-то по-другому обезвредить несущуюся на них несчастную? Хорошо... Пусть так... Но что сделал Зигфрид дальше? Он переспал с валькирией, которую он пощадил, практически на трупах их убитых товарищах и её убитых сестёр! Рядом с в это время корчившейся в муках Амалией, которую он и лишил кисти. Неужели все размышления принца в тот момент, когда эта Гейр просила пощады, были сосредоточены лишь вокруг её тела? Проще говоря, неужели Зигфрид пощадил Гейр лишь затем, чтобы спать с нею? Марвин решительно не мог понять этот мир. Неужели даже, — по его-собственному мнению раньше и по мнению епископа Ария, когда он был ещё жив, — лучшие из живущих, принимая то или иное решение, руководствуются столь низжайшими помыслами?

Теперь Марвин не мог отнести старого приятеля Зигфрида даже к числу никейцев.

«Или у них у всех так, у никейцев? Сначала грех, а потом мнимое покаяние, поедание хлеба и запивание его вином?», — в связи с этим подумал он, отворачивая шторку своей палатки и проползая в неё. — «Нет, даже для них это переходит все грани дозволенного... Зигфрид окончательно пал во тьму», — закончил свою мысль Марвин, пряча Писание под тряпицу, из которой оно ещё не так давно было извлечено.

Через пару недель движения быстрым, насколько позволяло состояние Амалии, темпом на восток Косзан был наконец достигнут путниками. Путь этот выдался тяжёлым и под конец им всё реже доводилось разводиться костры — запас сухих дров истощился, а сушняк найти не предоставлял возможным не переставая льющий дождь, то усиливающийся, то ослабевающий. Весна в этом году выдалась тяжёлой. Поход утяжелило и состояние Амалии, однако спустя примерно неделю по неведомому стечению обстоятельств ей вдруг стало лучше — видать, молитвы Марвина не остались не услышанными... Любовники стабильно удалялись для уединения чуть ли не каждый вечерний привал, а бывший пресвитер Старгарда то и дело читал Писание — в свободное от ухаживаний за Амалией время, разумеется.

Однако всё это было позади — на горизонте показались огни Косзана. Они прибыли в сумерках — в самое тёмное время суток, как принято считать, когда даже яркий свет не столь эффективно рассеивает тьму, как в более тёмное время суток, ночью.

Стражи выставлено не было, да и зачем? Планировалось сохранить максимальную анонимность, ведь если вокруг поселения будут блуждать мужи при оружии — у кого-то могут возникнуть подозрения... Осталось дело за малым — найти, где базируются их женщины.

— Вот мы и добрались, — заключил Зигфрид, ведя верного белого Грани под узды. Рядом, довольная собой, шла Гейр, чуть ли не опираясь на своего принца. За ними, чуть поодаль, следовали остальные спутники — Марвин чуть впереди и чуть поодаль от него Амалия. Последняя к тому моменту уже не испытывала болей, да и прочих проблем со здоровьем на ней не отражалось — не хватало лишь одной кисти.

— И с чего же нам следует начать? — чуть помолчав, отозвался Марвин, оглядывающий деревеньку перед собой. Из дымоходов валил дым — должно быть, местные готовят ужин, кто-то уже готовится отойти ко сну.

— Ну, признаков появления Гунтера и Хагена нет — если только они не вернулись по одиночке, либо и вовсе погибли — иначе бы, по нашей задумке, возле деревеньки должен был бы быть военный лагерь — на всю ораву не хватит домов. Собственно, точно и не знаю, что нам делать. Будем ломиться в первый попавшийся дом и спрашивать старосту, — рассмеялся Зигфрид.

Так они и сделали. Зигфрид, а за ним и остальные, подошли к первому попавшемуся у них на пути строению — одноэтажному, дощатому и с закрытыми ставнями — из трубы валил дым. Стук в дверь не заставил себя ждать. Не прошло и полминуты, как дверь открылась, а перед взором домочадца — предстало четыре странника с накинутыми на голову капюшонами плащей.

— Доброго вечера! — начал жизнерадостный принц, — Я Зигфрид, это мои спутники, — обвёл он их рукой позади себя, — где тут староста? Нас должны ждать...

— Герр Зигфрид! — оживился и повеселел до этого равнодушный мужик среднего возраста, с лысиной на темени, кареглазый и чёрными густыми усами, — Моё имя Румольт. Я нанялся поваром для королевского семейства, так что, вы попали по адресу! Стало быть, мне необходимо подать ещё... Раз, два, три... Четыре порции! Вы прибыли как раз к ужину, и скоро всё будет готово! Ожидайте, а мой сын Фолькер пока проводит вас до ваших женщин.

Далее повар обернулся и крикнул во всю голосину во мрак своего дома:

— Фолькер! Поди сюда!

Зачем было так орать, не совсем понятно, ведь дом у Румольта был не то что бы большим... Тем не менее, его сынок явился в считанные секунды. На вид ему было лет 17-18, он был достаточно пригож, румян, на лице торчал юношеский пушок светлого цвета, однако видно, что он уже начал бриться ранее. Светлые волосы были у него и на голове, но вились в кудри. Глаза голубые, вопреки наследственности отца.

— Вы не обращайтесь на него внимание, — снова взял слово его отец, — он немного придурковатый, но дело своё знает. У него в голове лишь песни и пляски, так что, если он начнёт вам петь — не удивляйтесь, я вас предупредил. Учю, учю его уму-разуму — а толку ноль.

— Чему же ты его учишь, дурень? — с лукавой улыбкой спросил Зигфрид.

Румольт почему-то сделал вид, что не услышал оскорбления.

— Да как же чему? Тому, что сам умею. Местные хвалят меня за готовку пищи, у всех я на хорошем счету, пускай и он пойдёт по моим стопам, как я думаю...

— Нередко бывает, когда дети не хотят и не идут по стопам своих предков и не наследуют качества родителей. Посмотри на него! Какие плечи, а длина рук... Да этот парень явно заслуживает большего, нежели мешать ими суп! Отныне я беру его к себе в оруженосцы!

— В оруженосцы... — глаза отца округлились.

— В оруженосцы. Будет служить мне, чистить мою кольчугу, оружие... Кое-какие ещё поручения исполнять.

Отец не знал, как на это реагировать.

— Но...

— Отец! — прервал его сын, — Я готов пойти в услужение этому славному мужу Бургундии! Ты же сам говорил, что из меня ничего не получится. Так отпусти же меня!

— Я... Я попробую. Да, можешь идти. Отныне служи ему, как служил мне. А пока покажи им, где остановилась принцесса и остальные. За вещами зайди после.

— Да! — лицо юного Фолькера засияло, он чуть ли не бегом выбежал на улицу под дождь.

— Плащ-то надень, болван!.. Дождь-то какой...

— Хорошо, отец, — отозвался сын и воротился.

Зигфрид переглянулся с остальными спутниками.

Не прошло и минуты, как их новоявленный спутник снова вышел к ним на улицу в полном необходимом облачении.

— Проследуйте за мной. Это здесь, не далеко.

Сделав пару десятков шагов, Фолькер вновь обратился к шествующему рядом Зигфриду:

— Герр Зигфрид, так когда я поступлю к вам на службу?

— Считай, что ты уже поступил, — ответил он и таинственно улыбнулся, обнажив белые зубы и красные дёсны.

— Вот так просто!? Не нужно ни клятв, ни чего другого?

— С этим пока подождём, сейчас есть дела поважнее. Как управимся с этим делом, возвращайся домой, простись с семьёй как следует, а завтра к полудню я жду тебя у себя... Кстати, стало быть, мы не поместимся все в одном доме, если я правильно понял, куда мы идём? С виду, дом совсем не большой. Я правильно понял, что именно сюда ты нас и ведёшь? — указал он на двухэтажное дощатое сооружение впереди, с виду не сильно больших размеров.

— Именно так, герр. Но я не уполномочен распоряжаться квартирами в нашем поселении. Это вам к старосте.

Они остановились — сначала Зигфрид, затем их проводник, затем и все остальные, идущие следом.

— Нет, малыш, это тебе к старосте, — ткнул он его пальцем в грудь, отчего тот немного пошатнулся, — распорядись поселить нас. Да что бы не сильно далеко от остальных наших! Нет, лучше приведи старосту сюда...

— Будет исполнено, господин!

— Вот и славно... А теперь бегом отсюда!

— Есть! — и в мгновение ока он удалился.

— Ну, — тем временем Зигфрид обернулся к собравшимся, — вот мы и на месте! Добрались!

Пройдя ещё несколько шагов, они остановились у порога строения без видимого фундамента, чуть слева от дверного проёма, под небольшим навесом, — потому и не тух!, — горел факел. Зигфрид постучал.

— Это, наверное, ужин принесли... — услышали они изнутри приглушённо.

Зигфрид обернулся на спутников, и улыбнулся — в ответ улыбнулась лишь Гейр.

Дверь отворилась. В дверях показался Гизельгер. Сначала он и слова-то проронить не мог, лишь молча ошарашенно, открыв от неожиданности рот, смотрел то на Зигфрида, то на его спутников за его спиной: то на Марвина, то на не знакомую ему пока Гейр, то на такую же пока не знакомую Амалию... Зигфрид же всё это время улыбался.

— Ну что такое, принц? — обратился он к Гизельгеру, — Не узнал что ли меня с Марвином? — и рассмеялся.

— Ну кто там? — за его спиной возникла ещё живая Эмма, — Зигфрид! — развеселилась она, и скрылась в доме, — Мой спаситель вернулся! — послышалось издали.

— Господи, я чертовски рад вас всех видеть! — вышел вдруг из оцепенения Гизельгер, — Давайте скорее в дом! — и распахнул перед ними дверь пошире, а сам отступил чуть в сторону. Все поспешно вошли. — Эй, а кто это с тобой?..

Жилища незнатных германцев раннего средневековья строились таким образом, что никакой прихожей как таковой не было, а то, что можно назвать гостиной, зачастую начиналось сразу же при входе. Тут и открылась перед пришельцами такая картина: комната была небольшой, справа виднелась лестница на второй этаж, а в самом центре горел очаг — со стороны лестницы и со стороны дальней стены комнаты стояли две лавки, на которых ещё недавно кто-то сидел. Освещения от очага в комнате было более чем достаточно. Слева стоял небольшой стол, а в дальнем левом углу была двуспальная кровать, покрытая каким-то сеном, поверх которого лежала простынь. В данный момент все стояли: как пришельцы, так и домочадцы в лице Гизельгера, Кримхильды, Гиты и Эммы. Все радовались и лобызались. Даже Марвин смог

выдавить кое-какую улыбку, когда увидел Эмму — племянницу — дочь его сестры Аллуйре и епископа Ария.

— Дядя! Ты живой! — бросилась она на него. Он принял её в объятия и нежно поцеловал в обе щеки.

— Я рад, что с тобой ничего не случилось дурного!..

Это не было лукавством.

Она расплакалась. Теперь из родных у неё остался только он.

— А это кто с вами? — спросила Кримхильда — душа любой компании.

Зигфрид оглянулся на Гейр, не участвующую в лобызаниях, и на такую же не участвующую в лобызаниях ютящуюся на входе Амалию, и молвил:

— Это... долгая история. Давайте лучше сперва присядем.

Лобзания кое-как успокоились. Все стали рассаживаться на скамьях у очага.

— Стало быть, Хаген ещё не добрался сюда... — заключил Зигфрид, усаживаясь с рогом тёмного горького эля.

— Тебе ли не знать, что вы здесь будете скорее, чем целая армия бургундов, если, конечно, у Хагена всё получится... — отозвался Гизельгер, усаживаясь рядом и скрещивая руки на груди.

— Не скажи... Тебе-то откуда знать, с чем мы столкнулись на пути.

— Гизельгер нам всё рассказал! — воскликнула Кримхильда.

— Что же? — спросил франкский принц и немного отпил эля из своего рога.

— Про всё, — придержал её руку брат и сам продолжил рассказ, — как мы с вами и условились несколько недель назад — кто куда направился. Про то, что Хаген вызвался идти на юг на перехват армии, якобы во главе с принцем Гунтером, а ты отправился на восток, дабы вызволить Марвина, довольно успешно, я посмотрю... — Марвин и Гизельгер кивнули друг другу. — Вижу, вернулся ты не один... — он окинул взглядом двух новых спутниц. — Кто они?

И Зигфрид поведал им обо всём. Про то, как добрался до Старгарда, как пробрался в чертог знати в этом городке, как познакомился с Амалией и её отцом Бруно, как вызволил Марвина из часовни Старгарда, как они покинули его и, наконец, как подверглись нападению на пути в Косзан.

Марвин внимательно слушал весь рассказ, отмалчиваясь и оставаясь как бы в тени. Но когда зашла речь о финальной части этой истории — напрягся всем своим телом. Он сидел и слушал, как Зигфрид нагло врёт или умалчивает те или иные события во время описания схватки с валькириями. Конечно же, он умолчал про то, как продал народ Старгарда за пояс — не стал отдавать свой, как он его называет, «трофей» для сохранения жизни простых людей. Из-за этого погиб и отец Амалии, и Марвин заметил, что когда речь зашла об этой битве, она поникла всем своим видом, однако видно не было, что она пытается не плакать. Сильная девушка. Пожалуй, да, это не самое страшное, что она переживала в своей жизни. Умолчал Зигфрид и про всё остальное. А когда пришло время представить Гейр, он и вовсе придумал совершенно другую историю — якобы эта дева с самого начала была на их стороне и познакомилась с Зигфридом ещё в Старгарде. При этих рассказах Марвин снова обратил внимание на Амалию — она явно гневается, но, тем не менее, виду не показывает... Просто поразительно! Должно быть, этот напыщенный самодовольный пижон всю дорогу выдумывал, как же ему представить окружению свою валькирию-любовницу, уже две недели как не девственницу. Странно, что он не потребовал от Марвина или Амалии хранить тайну угрозами или ещё чем — видать, не до конца лишился чести. А мог ведь и вовсе убить их и закопать где-нибудь под кустом... Конечно же, и Марвин не посмел возразить на эту наглейшую ложь. Да и кто ему поверит? Порой Марвину доводилось, во время сего рассказа, то и дело бросать взгляд и на Кримхильду — только слепой или дурак не заметит, как она на него смотрит... Бедняжка, она ведь ещё не знает, что её любовь в течение двух недель чуть ли не каждый день совокуплялся

с этой тварью в человеческом обличи... А может, стоит лишь закурить ладан, окурить помещение, и сразу всё встанет на свои места, а может, и сам новоявленный содомит образумится... Нет, пока не следует делать поспешных действий. Даже для культи Амалии рассказчик придумал свою историю — якобы ей отсекли её в бою эти треклятые валькирии.

Закончив свой рассказ, Зигфрид обильно отпил из рога. Всем молчали и смотрели, как он пьёт. Когда он опустил рог и вытер рот рукавом своего платья, в дверь постучали.

— Это, должно быть, Румольт с нашим ужином! — воскликнула Кримхильда и хлопнула в ладоши.

— Как бы не так... — тихо сказал Зигфрид и отпил ещё эля из обновлённого напитком рога, явно намекая на возвращение своего нового оруженосца со старостой или без.

— Сиди, сестра! — взял слово Гизельгер, упрямая её подъём со скамьи, поднялся сам. — Я открою... — и направился к двери.

В дверь вошёл никакой ни повар-Румольт. В комнату вошёл его сын — он привёл старосту деревни и кого-то ещё в грязных портках.

— Герр Зигфрид! Сидите, сидите!.. Я Хунольт буду, местный староста. Увы мне!, но для Вас и ваших трёх спутников не найти дома, в котором поместились бы вы все сразу. Есть один небольшой дом прямо у моря — там есть свободный рыбацкий домик, достаточно в хорошем состоянии. К счастью, ещё один дом находится по соседству с этим, в котором мы сейчас разговариваем.

— Что Вы, — отозвался Зигфрид, — я, как рыцарь Фрауйи, привык довольствоваться малым, мой друг... Да и Марвин не из монарших особ и не из привередливых. Думаю, нам хватит и этих двух домов, — подмигнул он смотрящему прямо на него Марвину, — не так ли, а, Марвин? — и улыбнулся. — Я разделю очаг с моей новой спутницей Гейр, — при этих словах Марвин бросил взгляд на Кримхильду — она была явно не рада такому повороту, — мой дорогой пресвитер поселится с однорукой у моря, — завершил он и вновь отпил.

— Как Вам будет угодно! Для меня честь служить столь славному рыцарю, как Вы, мой дорогой Зигфрид! Я заметил снаружи и какого-то скакуна...

— Это мой, — перебил его Зигфрид. Хунольт согласно поклонился.

— И потому я привёл нашего конюшего. Знакомьтесь, Данкварт, — и он указал на стоящего рядом, на две головы выше него, мужика — того самого, который явился сюда в своих грязных портках. Обувка у него тоже была не ахти какая, а нагой торс покрывал кожаный жилет. Его чёрные звериного вида длинные волосы спускались до груди, а чёрные усы были подобны усам моржа.

— Я знаю своё дело, — крайне низким голосом отозвался конюший. Женская половина находящихся в помещении как-то странно косились на данного персонажа.

— Славно... Славно Данкварт... — спокойно, даже не глядя на него, но куда-то в очаг, молвил Зигфрид и отпил ещё эля из своего рога.

— Ну и... — снова напомнил о себе староста, — Когда Вам будет угодно пройти со мной осмотреть дома?..

— Думаю, мы сначала поужинаем, а позже я пошлю к вам моего нового оруженосца, по правую руку от Вас.

— Фолькера?!

— Да, его.

— Пожалуй, — вмешался в разговор Марвин и встал, — я готов отправиться с Вами прямо сейчас, дабы Вы отвели меня в дом на том берегу. Есть я не хочу, да и в случае чего могу поесть прямо там...

— Как будет угодно, — слегка склонился староста.

— Я тоже пойду! — слишком резко встала и Амалия с соседней скамьи, из-за чего та пошатнулась, а все на неё как-то странно при этом покосились.

— Осторожнее!.. — предостерегла её сидящая рядом Кримхильда, едва не упав на спину вместе со скамьёй на пару с Гитой.

— Прошу прощения.

Сидящая на соседней скамье Гейр злобно усмехнулась. Остальные собравшиеся тоже были явно озадаченны и не совсем довольны, что их гости, хмурые лица которых невозможно было скрыть, так рано решили покинуть их.

— Ты лучше скажи мне, — обратился Зигфрид к Гизельгеру, — ты приготовил корабли, как я тебе велел?

— Да, но подробнее это лучше обсудить не со мной, а с нашим старостой...

— Тогда, я отведу вашего друга, и сразу к вам? — услышал их переговоры староста.

— Нет, что Вы, это можно отложить и до завтра, — поспешил успокоить его Зигфрид.

Дальнейший разговор Марвин уже не слышал — он вышел на улицу, на которой шелестел дождик, предварительно накинув капюшон своего плаща, который также заглушал разговор — говорящие остались где-то позади.

— За мной, светлейший, — обратился к нему снова появившийся рядом Хунольт. Данкварт в это время пытался поладить с конём Зигфрида Грани, а малыш Фолькер, видать, остался где-то в доме с остальными.

Путь до моря занял минуты две с половиной — деревня была небольшой, а морской берег Готского моря (современного Балтийского) совсем рядом.

— Это здесь, сюда. Мы уже близко.

Дом оказался и правда не большим, однако имелся очаг в центре. В общем-то, этот дом напоминал тот, в котором они недавно были, только не имел второго этажа и был немного меньше в своих габаритах — состоял он также из одной комнаты, а в потолке было отверстие для выхода дыма наподобие терема. По обе стороны от очага, в плотную к стенкам, стояли две односпальные кровати, по структуре идентичные двуспальной из всё того же дома, где они недавно находились.

— Вот, собственно, и есть этот дом, — заключил староста. — Чем богаты.

— Сгодится. Последние пару месяцев я спал в луже собственного дерьма, а последние две недели мне приходилось спать в палатке, пока вокруг блуждали дикие звери, а меня-самого жрали насекомые. Последнюю неделю же и вовсе не знал очага, а тут, я смотрю, — он зашагал по комнате к центру, шелестя своей тёмно-бордовой мантией, — даже и очаг есть, а дрова уже ждут, чтобы их подожгли...

— А, ну раз так...

— Как нам быть с ужином? Я не голоден, однако Амалии нужно поесть... — они встретились с ней взглядом, и она поспешила опустить глаза.

— Обычно, для наших важных гостей из Аскаукалуса Фолькер занимался разносом еды, что готовил его отец Румольт, однако же теперь, как я слышал, он поступил на службу к Зигфриду...

— Уверен, Вы что-нибудь придумаете, — он добродушно похлопал по плечу старосту, давая понять, что тот может наконец обратиться по своим делам.

— Да, я что-нибудь придумаю. Ну... Спешу вас оставить! Кремень и кресало для растопки вы найдёте прямо с краю у очага, вот там лежит. Видите? Ну... Бывайте! — закончил он и направился к выходу.

Едва входная дверь закрылась за ним снаружи, как Марвин склонился над очагом, взял кремень, а там и кресало — трут уже был кем-то любезно заготовлен и лежал в домике из дров, который лишь нужно было воспламенить искрой — кто-то позаботился оставить в этом доме сложенный костёр на случай нежданного заселения гостей.

Амалия молча уселась на постель рядом.

Сколько ни пытался Марвин высечь искру — у него ничего не получалось. Он не только трус, он ещё и немощный! Немощный трус. Прошло, наверное, минут пять, прежде чем Амалия утратилась терпение и, однако же без гнева, поспешила на помощь. Наступила пятиминутка феминизма.

— Дай-ка я попробую, — протянула она руки, но тут же одёрнула их — видать, забыла, что в её распоряжении осталась только одна кисть. Так и стояла она, как вкопанная, пока тишину не нарушил Марвин, всё так же сидящий на коленях у очага.

— У тебя же только одна рука...

— Да... Я знаю... Просто... — она склонилась над ним. — Просто бери уклон выше, вот так. Теперь начинай тереть.

Послушал совета своей спутницы Марвин не просто высек искру, он поджёт трут в мгновение ока.

— Получилось!

— Теперь раздувай огонь!

Послушав совета Амалии, Марвин принялся делать то, что она велела.

Через несколько минут помещение озарилось теплом и светом.

Спутники расселись по своим местам — Амалия вернулась на постель, а Марвин уселся на один из стульев рядом со столом, и повернулся к ней. Они сидели и смотрели на огонь. Молчали. Пока тишина не стала уже совсем гнетущей, он первый решил нарушить её.

— Кто научил тебя пользоваться кремнем и кресалом?

— Мой отец был ремесленник. Он многому обучил нас с сестрой, мы помогали ему в его делах... Ну, ты знаешь, чем всё кончилось. Странно, что ты, не умеешь разводить костёр. Тебе на вид лет 30-35.

— Да, мне примерно столько... — улыбнулся он. — Мне никогда ранее не доводилось пользоваться инструментами для разведения очага. За нас всегда это делали служители Церкви рангом пониже. Так уж получилось, что мне не приходилось учиться этому мастерству... — и задумчиво посмотрел в огонь.

— Ты что же, совсем ничего не умеешь, кроме чтения своих книжек?

«Ты попала в самую точку», — пронеслось у него в голове, но вслух он ответил:

— Ну почему же ничего... Умею ещё писать. Пою неплохо, когда приходится вести... Когда приходилось вести церковные службы. Дело не в этом. Просто... Кто мог знать, что нас ожидает такая жизнь? Ещё несколько месяцев назад я вёл службы в Старгарде. Ты разве не бывала на них? Ты могла слышать моё пение во время богослужений. Вот, собственно, и всё, что я умею. Но действительно, кто мог знать, что нас скоро ожидает такая жизнь? Как я уже сказал, ещё несколько месяцев назад я служил епископу Арию, вёл церковные службы в Старгарде — и представить я тогда не мог, что меня ждёт столько потрясений... Сначала меня заточили, я думал, я умру. Признаться, я даже немного удивлён, что не сошёл с ума. Оказывается, я выносливее, чем кажусь. Меня морили голодом и не давали пить воды. Меня запугивали и избивали. Меня запирали в часовне и заставляли справлять нужду там, где я сплю. У меня и сейчас в ноздрях стоит этот смрад... Он никуда не ушёл. Возможно, я немного и сошёл с ума. Кто мог сказать мне несколько месяцев назад: «Знаешь, Марвин, тебе придётся и костёр уметь разводить. Так что, знаешь-ка, начни практиковаться уже сейчас». Нет! Я и не думал тогда, что меня ждёт такая жизнь...

— С этим не поспоришь... Я тоже и представить не могла, что лишусь отца, сестры, а меня саму изнасилуют. Никогда не знаешь, какие «сюрпризы» готовит тебе жизнь на завтра. Ну, а про твои богослужения. Знаешь, признаться, за время наших странствий я ни разу и не думала о твоём ремесле... Нет, на службы я не ходила, ибо не была верующей, а отец у нас не был столь строг и не заставлял ходить в церковь. Но моя сестра была из таких, из христиан, и где она теперь? Почему же твой бог не спас её? На это ты мне можешь дать ответ?

— Неисповедимы пути Господни!

— И как это следует понимать?

— Думаю, мне и не следует объяснять тебе. Ты не поймёшь... Я и сам, знаешь, многого не понимаю из того, что Он делает с нашими жизнями... Однако тебя Он спас. Я не рассказывал тебе раньше, но, я уверен, Он спас тебя от горячки. На следующую ночь после того, как Зигфрид отсёк тебе кисть, я принялся горячо молиться в твоей палатке над твоим телом после того, как дал тебе красный гриб. Этот его клинок, Нотунг..., обладает какими-то таинственными свойствами — какая-то магия этого меча отравляла твоё тело, но благодаря моим молитвам проклятие было снято...

— Так и в этом твоя заслуга... Я очень ценю, мой дорогой Марвин, что ты денно и ночью заботился обо мне, пока я не поправилась, но и представить не могла, что со мной могло происходить и нечто подобное... Я до сих пор не могу поверить, что столь, как я слышала, прославленный рыцарь Фрауи Зигфрид опустился так низко... Моя младшая сестра Фрида столько мне про него рассказывала!.. Признаться, я всегда была настороже и относилась ко всем этим байкам несколько скептически... В целом, я не ошиблась. Хуже мерзавца я в своей жизни ещё не встречала!

— Постой... Но ведь он спас тебе жизнь...

— Спас мне жизнь?! Но ради чего?! Лишь из-за собственно тщеславия, не более того! Так, просто, мимо пробегал. Спас. А потом похоронил моего отца, всех шедших с нами беженцев — и всё из-за какого-то золотого пояса! Тьфу! А ради какой-то девки отсёк мне руку! Ему наплевать на всех, лишь о себе одном думает!.. Лучше бы он и не спасал меня вовсе!

— Он и мою жизнь спас...

— Я не верю в искренность его намерений.

— То есть, по-твоему он так далеко следовал на запад, в Старгард, лишь ради собственного тщеславия?.. Или ради чего? Зачем ему было спасать меня?

— Я не могу ответить на этот вопрос! Как ты там сказал? «Неисповедимы пути Господни»? А что, если дух Зигфрида надломился тогда, пару недель назад, и он теперь пал во тьму, а все прошлые его поступки уже не имеют никакой значимости? Мы не знаем, что происходит у него в душе. Может, он и шёл спасать тебя с чистыми намерениями, но теперь он уже не тот человек... Ты и сам это видишь, Марвин. Он одержим алчностью и похотью. Хочешь правду жизни? Когда нас не станет, о тебе не споют песню и имя твоё забудется — никто не вспомнит о некоем Марвине, пресвитере в какой-то там Бургундии — и плевать, что ты имел чистые помыслы, а мне помогал безвозмездно и просто от чистого сердца все эти последние недели, когда мне было плохо. А знаешь, что ждёт Зигфрида? Этого самодовольного напыщенного олуха!.. Как же я его терпеть не могу! О нём сложат множество песен и легенд, а ему подобные, даже хуже него!, полудурки будут восхищаться им и всячески подражать ему! В его честь будут называть города, реки, озёра, а может, даже и страны! Кто знает, насколько далеко может зайти невежество людское... Он будет героем книг. Да его могут даже в ранг святых вознести! И никто и не припомнит о его злодеяниях... А всё потому, что такие как ты — слабы. Ты даже костёр-то не можешь развести, и ищешь утешения в своих книжках...

В комнате повисла минута молчания. Тишину наконец нарушил Марвин:

— А ты знаешь, для юной девицы, лишённой чести ты весьма умна и подкована... Даже странно слышать от тебя такие мудрые речи. А в конце я даже немного оскорбился... Но ты права, я признаю. Я слаб и немощен, а также трус. Обо мне не сложат песню, а о мерзавце-Зигфриде сложат. На правду не следует обижаться, и потому я спокойно стерплю это. Возможно, был бы я на несколько лет младше, я бы сейчас опрокинул вот этот вот стол, а сам набросился на тебя, услышав все эти оскорбления... Хотя нет. Я всегда был спокойным. Даже не так. Я называю это спокойствием, на самом же деле это просто трусость, которую я маскирую спокойствием, называю это спокойствием... Я боюсь опрокинуть этот стол и начать бить тебя. А

вдруг я проиграю единоборство однорукой? Более того! Вдруг я проиграю женщине... Молодой женщине... Я благодарен тебе за эти речи... Насчёт перемены личности Зигфрида, я думаю, ты тоже права. "Нельзя пить из чаши Господней и из чаши бесовской!" — так написано в Святом Писании. Как же там было написано... Сейчас вспомню. "*Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской.*", вспомнил, из Первого послания к Коринфянам святого апостола Павла, глава 10, стих 21.

— Bravo. И это всё, что ты скажешь? Я ожидала большего... Стало быть, ты смирился? Что ты собираешься делать дальше?

— А что я по-твоему должен делать?

— Лично я хочу вогнать лезвие ножа Гејр по самые гланды, а заодно и Зигфриду — месть за моего отца.

— Оставь эту затею.

— Почему?

— Оставь и всё. Знаешь, этот разговор меня утомил.

В комнате снова повисла минута молчания — лишь треск костра в комнате и стук дождя за её пределами нарушали эту тишину.

Наконец Амалия снова решила нарушить молчание:

— Эта Эмма. Я правильно поняла, что она твоя племянница? Хорошенькая...

— Да, она моя племянница, — сухо ответил Марвин.

— Она выглядит весьма смелой. Смелее, чем её дядька... — позволила себе улыбнуться Амалия. — Но где же её мать... И отец..?

— Ну, про отца её ты много раз могла слышать — это епископ Арий. Ты даже могла видеть его несколько раз — он иной раз заезжал в Старгард по своим религиозным делам. А мать её — Аллуйре, моя сестра...

— Что за странное имя...

— Мы родом из Гибернии.

— Гибернии?

— Очень далеко отсюда. Это остров. Даже не пытайся понять, где это. Всё равно тебе не удастся.

— Так, что с ней случилось...

— Много лет назад, далеко отсюда, на берегу Рейна, когда этому самому Зигфриду было примерно два года, моя сестра пропала... Помнится, мы тогда задержались в землях алеманов. Правил ими тогда некий король Макриан, нам даже удалось с ним встретиться, рыжий такой, как я помню. Сейчас уже и не знаю, кто там у них всем заправляет... Как выяснилось немного позже, мою сестру похитил Фрейр — это некое существо, которое многие почитают за бога, хотя на самом деле это обычный водяной, дагон. Ты верно сказала несколько минут назад — невежество людское не знает границ. Но сейчас не об этом. Искали мою сестру тогда весь день, мне же доверили заботу о маленьком Зигфриде и Эмме в отсутствии нашего отряда — кстати говоря, Зигфрид и Эмма — молочные брат и сестра. Недавно родившая на тот момент от Ария Аллуйре была вынуждена вскормить грудью и Зигфрида, но это уже совсем другая история. Ближе к вечеру Арий вернулся один — побитый и сломленный. В руках у него был Нотунг, а на устах дурные вести. Он рассказал мне всё. Как Фрейр перебил весь наш отряд, но Арию он ничего не мог сделать — какая-то сила в Нотунге сдерживала Фрейра и не давала ему напасть на епископа. Этот демон хотел, очевидно, обмануть Ария — он просил Нотунг взамен на живую Аллуйре, однако он так и не показал её живой и невредимой... Епископ Арий думал, что это обман, и потому с тяжёлым сердцем был вынужден отказать и прогнать демона. Долгое время я корил его за это... Надо было отдать ему этот чёртов меч, который по иронии судьбы и отсёк тебе руку... Как и Зигфриду несколько дней назад надо было не менять жизни людские на золотой пояс, и отдать его этим треклятым валькириям!..., так и Арию тогда необходимо

было отдать ему этот меч и вернуть назад нашу любимую жену и сестру... Хотя бы попытаться. Но в случае с епископом уже много после я осознал, что это был мудрый выбор. Этот демон вполне мог нас обмануть и таким образом завладеть очень могучим артефактом. Я уже давно мысленно похоронил Аллуйре в своём сердце...

— Это весьма печальная история...

— Какая есть.

Их разговор прервал стук в дверь.

— Должно быть, это твой ужин, Амалия.

Через несколько мгновений Марвин отворил дверь — как он и предполагал, это принесли ужин — в дверях появился Фолькер, каким-то образом освобождённый от службы Зигфриду.

— Доброго вечера! Я к вам из кухни!

— Входи, — пропустил его мимо себя Марвин и закрыл за ним дверь.

Юноша прошмыгнул, весь промокший и семенящий в грязных ботинках по устланному соломой полу, напрямик к обеденному столу, чуть склонился и поставил на него накрытый белой скатертью поднос, следом, не долго думая, он отбросил скатерть.

— Было бы странно, если бы это была не рыба... — усмехнулся подошедший к столу Марвин, и посмотрел на Амалию — та в этот момент, немного смутившаяся, исподлобья разглядывала пришельца с довольно странным выражением лица.

— Да, герр, деревня-то наша из рыбацких... — попятился Фолькер. — Чем богаты...

— Ну что ты! Я же шучу, — он дружески похлопал «официанта» по плечу. — Лучше еды я не видывал уже несколько месяцев.

Это было правдой. Ни о какой другой еде, кроме хлеба и воды, во время его заключения в Старгарде и речи ни шло — впрочем, Марвину было не привыкать к такому рациону — ариане обязаны уметь держать пост — однако и то «постное» меню было ну слишком уж малопитательным. Ситуация стала намного лучше, когда его вывел из плена Зигфрид, но и шиковать особо не приходилось.

Тут же перед ними на подносе была не только рыба, но и ломоть хлеба, какого-то среднего цвета между белым и чёрным.

Марвин был не силён также и в кулинарии, как и во многих других бытовых науках, поэтому он и не мог назвать состав хлеба на столе, а также не мог назвать и название рыбы. Ему было достаточно знать того, что всё это на столе свежее и съедобно, а остальное не важно...

— Амалия, — Марвин снова обернулся на неё, — садись есть. Тут и на меня порция найдётся, — около часа назад он во всеулышание заявлял, что не хочет есть и это было правда — не хотелось ему есть и теперь — слишком велики были потрясения, чтоб их можно было заболтать простым разговором с сожительницей. — Тебя Фолькер зовут? — снова уставился он на него — тот в это время смотрел на зазываемую за стол Амалию, — Остальным ты уже отнёс ужин?

— Да, герр, моё имя Фолькер. К Вашим услугам. И да, остальным я уже ужин отнёс...

— Тогда, может, составишь компанию моей дорогой Амалии? Я всё равно не хочу есть, а ей самой столько не съесть... Садись и ты с ней, ведь ты ещё не ужинал? А я, пожалуй, постараюсь уснуть. Слишком уж много потрясений в последнее время свалилось на моё естество.

— Как Вам будет угодно, герр!

— Можешь звать меня просто Марвином.

— Я с радостью разделю трапезу с вами!.. В смысле, с...

— С Амалией.

— С Амалией... — повторил Фолькер и поклонился ей, подходящей в этот момент к столу.

Марвин тем временем улёгся на постель — было намного удобнее его лож за последние несколько месяцев. Он пытался было начать о чём-то думать, но усталость навалилась на него,

а трапезничающие ели больше, чем общались, и потому сон никак не сбивался и не отсрочившись, пришёл к нему неожиданно, и он уснул.

Ему вновь приснилось Кили, как он купался в её белых волосах и целовал губы, как он не знал тогда ни бед, ни забот, ни войн, ни чего ещё дурного. Он снова был дома, на острове Гиберния, как называли его римляне, но он-то хорошо помнил, как звали его местные... Эриу. Именно такое название носит этот остров, названный в честь одноимённой богини Эриу. Он не знал тогда и епископа Ария, а учение Христа всё же было ему знакомо — оно гармонично вклинивалось в местную культуру и нанизывалось на местные верования, а вернее, как-то так вышло, само нанизывало на себя местные языческие верования... Он не знал тогда и Зигфрида, не знал и Гунтера, Гизельгера, Кримхильду, Гудомара и других членов этого, как он теперь считал, сумасшедшего семейства. Не знал и Амалию. Не знал и Фолькера... Но зато он хорошо знал того, кто сейчас приближался к нему... Сотни раз Марвину снился этот сон и конец был всегда один — не могло быть иначе, ведь то же самое случилось с ними и в жизни. Кормак неумолимо приближался... А Марвин не сводил с него взгляд. Любимая же продолжала всячески лобзать его лицо.

Наконец она не выдержала и недовольно сказала:

— Что-то случилось?.. — уставилась она на него недоумевающим взглядом, проследила за его взглядом, повернулась туда, куда он смотрел.

Они лежали на небольшом пригорке, густо поросшем зелёной и высокой травой, справа от них была груда камней, в небе светило солнце, однако любовников закрывало от него дерево своими кронами, произрастающее на самом вершине пригорка — прямо перед их взором, где-то далеко, простирался Дулеб — городок, где они жили. Жил в нём и тот, кто прямо сейчас ехал верхом рысцей в их направлении. Сердце Марвина начинало биться быстрее по мере приближения этого страшного человека.

— Кажется, кто-то едет сюда... — отозвался Марвин.

— Но кто это может быть?.. — взволнованно спросила Кили.

Он также знал, кто это был, но как бы он ни старался переключить сценарий сего сна, как бы ни пытался спастись или сделать что-либо иное, дабы сложилось всё иначе — всегда выходило всё так, как всегда было, по-другому и быть не могло. Он знал, кто приближается к ним, но губы не повиновались ему и ответил он так, как всегда отвечал, а не так, как хотелось бы:

— Я не знаю...

Нет, он просто не мог продолжать смотреть этот сон дальше. К счастью, он научился со временем останавливать его, когда ему было это угодно. Он сотворил желаемое.

Проснулся он, когда совсем уж рассвело. Вернее, рассвело бы, если бы не пасмурная погода с морозящим дождём. Однако Марвин чувствовал себя выспавшимся. Очевидно, данный кошмар вновь посетил его лишь уже почти под полдень.

Он оглянулся: очаг ещё не затух, а Амалии рядом не было, но предчувствие на её счёт было хорошим.

«Был бы какой-то погром, я бы проснулся...», — мысленно решил он. — «Неужто увязалась на прогулку с этим Фолькером?».

Он вышел за дверь — на улице стоял приятный шелест — шелест сей создавал дождь, не шибко обильный, как это обычно бывало за последние дни — он неспешно орошал пространство: навес над Марвином, дом, прорезавшуюся весеннюю траву, деревья. За спиной, с другой стороны дома, отдалённо слышались всплески волн, омывающих берег.

Марвин не стал покидать навес его временного жилища при входе, и присел на стул под навесом рядом с входной дверью, теперь он мог собрать мысли в кучу.

Ему вновь приснился этот кошмар... В последний раз это случилось полгода назад, он уже успел и забыть о нём. Нет, лучше об этом не думать... Всё это в прошлом. Та жизнь навсегда потеряна. Лучше подумать о чём-нибудь другом.

Он вновь прокрутил в голове вчерашний разговор с Амалией. Да, Марвин многого не умел в своей жизни... Да, собственно, ничего не умел. Был трусом, сколько себя помнил, однако эта девка весьма резко позволяла себе разговаривать с ним... Можно по-разному воспринимать его, Марвина, сына Барри, но эта охамевшая девка ещё совсем зелёная... Да что она знает о боли и страданиях? Или она думает, что над ней надругались, отсекали руку, и теперь она знает всё и про всех? Она ошибается. В частности, ошиблась она также и в том, что он, мол, не способен на некий подвиг, поступок, решительное действие, хоть и прятался всю жизнь, однако ещё тогда, когда Зигфрид, — единственный человек, за которого он мог держаться дальше, — окончательно опустил в его глазах около двух недель назад, когда он совершил вереницу плохих поступков и, как вишенка на торте, переспал с этой проклятой валькирией Гейр — тогда-то он и решил прийти к решительным мерам...

От раздумий Марвина отвлёт приближающийся к нему путник впереди — прямо со стороны Коззана. Мимолётно вспомнился последний сон, когда там тоже "кое-кто" приближался к ним..., но его снова как рукой сняло, когда он разглядел под капюшоном быстро направляющегося к нему человека лицо Эммы.

Он встал.

— Эмма! — Марвин снова впустил в свои объятия племянницу.

Она не хотела отстраняться, из-за чего её родственнику даже стало как-то не ловко. Наверное, минуту она прижималась к его груди, а плакать же она начала почти сразу после начала объятий — Марвин понял это по тряске её тела в его руках.

Наконец они разъединились, но продолжили держаться за руки и Марвин нарушил тишину:

— Пойдём в дом, Эмма...

— Нет, я не хочу... Я... хочу подышать воздухом. Там слишком людно и шумно — от Кримхильды и Гизельгера отдыха нет, а Гита то и дело постоянно цепляется ко мне, как пиявка, а тут так спокойно...

— Тогда, присядь.

Эмма подчинилась.

И тут тишина и молчание снова навалилась на них. Лишь дождь продолжал шелестеть кругом. Марвин не знал, о чём с ней разговаривать, да и не понимал до конца, а нужно ли? Эмма смотрела куда-то в даль, вид её был печальный.

— Я видела его смерть, — наконец неожиданно и как-то отчуждённо молвила Эмма.

— Я знаю... — он понял без лишних объяснений, кого она имеет в виду, чью смерть она видела.

Она повернула на него голову и взгляд своих глаз.

— Мой отец, — и отвернулась снова перед собой. — Это чудовище. Нет, это животное... Нет, снова нет... Не следует оскорблять животных, причисляя к ним это чудовище... Это существо по имени Гундомар упивалось своей победой — я видела это по его глазам. Однако мой отец не дал ему ещё большего удовольствия — не стал просить пощады или ползать у него в ногах, моля о помиловании. Он был совершенно спокоен...

— Как и всегда.

Эмма опустила голову, стала нервно рассматривать свои пальцы, что-то в них перебирая.

— Что с нами будет, дядя? — наконец снова нарушила тишину она.

— Я не знаю...

— Неужели это чудовище никто не сможет остановить? Чем мы заслужили всё это? Почему мы должны бежать куда-то за море, а не он?

— Так сложилось...

— Но почему?! — вскочила она и встала перед своим собеседником. — Почему так?!

— У меня нет ответов...

— Помните, мы — ариане, — вспомнились вдруг наставления мудрого епископа Ария. — Мы — суть Израиль, суть наследники Авраама. Не забывайте и древние пророчества: *"ибо Я с тобою, говорит Господь, чтобы спасти тебя: Я совершенно истреблю все народы, среди которых рассеял тебя, а тебя не истреблю; Я буду наказывать тебя в мере, но ненаказанным не оставлю тебя"* сказано в Книге пророка Иеремии в 30-й главе, в 11-м стихе.

— Прошу простить моё вмешательство, — вклинился в проповедь некий отрок, — но разве в этом отрывке речь направлена не в адрес евреев?..

— Евреев!? Что за вздор! Любой никеец тебе ответит на это отрывком из Послания к Галатам 3:29: *"Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники"*, поспешит подкрепить при этом сказанное и отрывком откуда же *"во Христе нет ни эллина, ни иудея"*... И тут же начнёт заявлять, что люди, принявшие Христа, суть Израиль. По духу. В какой-то степени и это утверждение верно... Но наши же знания, знания ариан, глубже. Но об этом в другой раз.

Марвин вернулся в реальность.

Нет, не было никакого смысла пичкать эту девку, не имеющую даже базовых знаний в христианстве, различными пророчествами и прочим — она всё равно ничего не поймёт. Однако же, стало быть, учитывая наставления отца Ария, следует считать сейчас бургундов-ариан за Израиль... Нет, Марвин почему-то просто не мог в это поверить, что эти грешники могут иметь хоть какое-то отношение к избранным Богом.

— Ты же пресвитер! Чёрт бы тебя побрал! Скажи же хоть что-нибудь!

Марвин отвернулся. Эмма замолчала, пристально вглядываясь в лицо родственника.

Он понял, зачем сегодня ему приснился этот сон.

Он сделал шаг вперёд, встал почти у самого края навеса, но с крыльца, не имеющего фундамента, как и сам дом в целом, не сошёл.

— Позволь мне поделиться с тобой своей историей, племянница, — начал он свой рассказ, смотря куда-то в даль. — Может быть, в процессе сего рассказа ты утетишься или получишь ответ на свой вопрос — «почему так случилось?», почему всё произошло так и никак иначе. Почему мы должны бежать за море, Гундомар царствовать. Почему и за что нам всё это. А может, и я в процессе найду ответ для тебя на твои вопросы и сам пойму, за что нам всё это, ибо, говорю тебе без лукавства, я действительно не понимаю, за что нам всё это...

Раньше я не рассказывал тебе эту историю, да и, признаться, не хотелось бы вспоминать об этом. Да и не общались мы с тобой как-то особо раньше... Теперь же мы с тобой можем быть ближе, чем раньше... Это уже от тебя зависит. Итак, слушай.

Когда-то давно, много лет назад, когда тебя ещё и в помине не было и не планировалась, а твой всеблаготворитель отец не знал ни меня, ни твоей матери. Я тогда был даже младше тебя, даже младше этого снующего рядом Фолькера, вроде бы, даже младше Амалии... Жил я тогда в Эриу — ты прекрасно знаешь, где это. Мы с твоей матерью Аллуйре росли в семье свободных жителей Дулеба. Не стану сейчас смущать тебя подробностями, кому кто подчинялся, какому клану и так далее, потому что это сейчас совсем не важно. Наш отец Барри был ремесленником, его жена и наша с Аллуйре мать, звали её Имоджин, ему помогала — тут тоже особо похвастать нечем.

Так и жили бы мы дальше в Эриу, а ты, Эмма, возможно, никогда бы и не родилась — ведь тогда не встретил бы твоему отцу Арию Аллуйре, а от их любви не родилась бы ты. Но случилось одно «но». Можешь быть мне благодарна или, наоборот, проклинать меня, но

именно по моей «вине» я и моя сестра вынуждены были бежать с Эриу... Относись ко мне, как хочешь, но лично я буду ненавидеть себя за содеянное всю оставшуюся свою жизнь, как ненавидел вплоть до сего момента с момента случившихся неприятных событий... Всё дело в том, что я полюбил одну девушку, звали её Кили. Она была дочерью нашего вождя, который подчинялся более главенствующему вождю, но сейчас не об этом. Отца Кили звали Кормак.

Мы с Кили любили друг друга всем сердцем, но чем старше становились, тем всё отчётливее понимали, что так жить нельзя — мы с нею из разных сословий и её отец ни за что не одобрит такой брак. Однако как бы мы ни убеждали себя в обратном, нам не под силу было покончить с нашей любовью — мы несколько раз обсуждали с ней этот вопрос.

Примерно год длились наши тайные встречи, пока её брат — звали его, насколько я помню, Коннор, был он на несколько годков нас старше — не положил им конец. Он был наследником отца и рассказал ему обо всём... Не трудно догадаться, какая у того была реакция.

Он небось хотел выдать свою дочь за какого-нибудь знатного воина, а не за сына простого ремесленника и крестьянки. А то и вовсе за какого-нибудь вождя. А тут его планам помешал я. Да ещё и сорвал «цветочек» его дочери...

В считанные часы всю нашу семью убили... Кроме меня и Аллуйре, просто чудом уцелевшую. Не думай, что мы с ней были единственные дети в нашей семье. Совсем нет... Но не вижу смысла тебе о них рассказывать сейчас. Может, когда-нибудь в другой раз. Однако все они были мертвы, как потом я узнал, а отец Кили Кормак застал нас с поличными.

Как сейчас помню, мы тогда предавались любовным ласкам под небольшим пригорком возле нашего поселения, пока мы не заметили её отца, приближающегося к нам. Я думал тогда, что мне конец. Я едва в штаны не навалил и того, и другого, но предусмотрительно сделал все нужные дела перед встречей с любимой. Мне и должен был придти конец, однако меня спасла Кили.

Едва только её отец добрался до нас, слез с лошади и суровой походкой, ни говоря ни слова, направился к нам — мы тогда прекрасно понимали, что нас ждёт — как она схватилась за мой нож, висящий на поясе, лежавшем рядом снятым, и приставила к своей шее.

«Ещё шаг, и я вспорю себе шею! Клянусь тебе!», — вскричала она тогда.

«Ах ты, негодница!.. Ты же понимаешь, что тебя всё равно ждёт суровое наказание, а твоего изменника страшная смерть? Та же, что уже постигла всё его семейство...», — отозвался он и улыбнулся мне.

Ему было плевать на угрозу его дочери, он, чуть ещё помедлив, двинулся к нам, и Кили тихо сказала мне на прощание:

«Беги», — и воткнула себе нож в шею, чуть рядом с кадыком.

Я не знаю, что заставило меня тогда встать и убежать прочь. Но я сделал это! Возможно, тому причиной послужила моя врождённая трусость, либо же желание выполнить последнее желание моей любимой. Её отец, как и было, очевидно, задумано Кили, бросился к ней на выручку, а я умчался прочь. До сих пор не могу понять, почему её отец пришёл на расправу один. Возможно, не хотел, чтоб позор его дочери видели кто-либо кроме него. Но кто дал наводку, что мы возлежали под тем холмом? Возможно, всё тот же его сын Коннор... А, впрочем, это не столь важно.

Я мчался сломя голову никуда не сворачивая в сторону Дулеба — ноги сами несли меня к нашему причалу. У меня и мысли не было заглядывать домой — лишь спасти свою шкуру — вот какой я трус! Не знаю, что движило мной тогда, но я почему-то был уверен, что спасение моё может найтись на причале нашего поселения — туда я и направился. Просто по счастливейшей случайности я напоролся там на Аллуйре, прячущуюся там под причалом — как она потом поведала, она собиралась там купить рыбы для пропитания. Я рассказал ей, что стряслось, и мы, не долго думая, просто мигом умчались восвояси на небольшой лодке... Я сам не ожидал от себя такого хода — чтоб я, да ещё и удрать! Видно, никто и из наших земляков

не ожидал от меня такого — нас никто, видно, и не собирался преследовать — никто и не думал, что мы поплывём на лодке на вёслах по открытому морю, потому и не рассматривали этот вариант побега и в море нас не искали. К счастью, Аллуйре перехватила в порту не только рыбы, но и другого пропитания, пока мы искали лодку — с едой по-первости проблем не было. Но прежде чем пускаться в плаванье по морю, нам сперва нужно было найти запасы пресной воды, поэтому, к слову, мы сразу и не выплыли в открытое море... Но что-то я отвлёкся. Хотя, нет. Пожалуй, рассказ мой завершён...

Марвин повернулся свой взор на Эмму — по её выражению лица было видно, что печаль, хотя бы на какое-то время, покинула её душу, и она внимательно вслушивалась в рассказ своего дяди с интересом.

Чуть помедлив, она молвила:

— Не такой уж ты и трус, дядя, раз отважился пуститься в плаванье, — ехидно заметила она.

— Да? Возможно... Скорее всего, я пошёл на это, а вернее, "поплыл" от безисходности...

«И как я раньше не обращал своё внимание на то, что это плаванье и бегство — действительно в какой-то мере храбрость...», — мысленно продолжил Марвин, уставившись куда-то в пол, а вслух продолжил, встрепенувшись:

— Собственно, зачем я тебе рассказал эту историю? Я долгое время вопрошал себя: почему случилось именно так и никак иначе? Да и сейчас вопрошаю... Так ответь мне теперь ты, Эмма: почему так случилось?.. Почему нам нельзя было спокойно жить и любить друг друга?

— Я не знаю, дядя...

— Вот и я не знаю, почему этот пёс сидит на троне Бургундии! И, помяни моё слово!, будет сидеть и дальше! У меня нет ответа на твой вопрос, как и у тебя на мой! Так уж жизнь устроена!

— Но не может же быть всё потеряно! Зигфрид! Зигфрид поможет нам...

— Эх, Зигфрид... — махнул рукой Марвин, отворачиваясь. — А кто поможет ему?

— Что ты имеешь в виду?

И он рассказал ей всё, что случилось с ними за время их последних странствий, но иначе, — не так, как рассказал вчера перед ужином сам Зигфрид, — без лжи.

— Я своим ушам не верю... — только и могла ответить Эмма.

— Я сам сначала не мог поверить, но это реальность. Вот что я тебе скажу, моя дорогая: держись-ка подальше от этого юношы — он опасен!.. Как это печально, что, очевидно, ему предстоит возглавлять вас в будущем...

— Вас!?! — блеснула своей внимательностью Эмма, внимательно смотря в глаза Марвину, он отвернулся.

Чуть помедлив, он ответил:

— Эмма, скажи, я могу тебе доверять?

— Кому ещё ты можешь доверять, дядя!?

— Пожалуй, ты права. Но я прошу от тебя сохранить этот секрет, ведь если об этом узнается, меня попытаются остановить... Я собираюсь покинуть вас.

— Покинуть?!... — вскричала она, поднимаясь со стула.

— Тсссс, говори потише! — полушёпотом крикнул ей Марвин в ответ.

— Но почему?.. — она подошла поближе и взяла его руки в свои. — Почему ты хочешь покинуть нас, дядя?

Прежде чем ответить, он высвободил свои руки из рук племянницы, снова отошёл чуть в сторону, посмотрел куда-то в даль.

— Как ты знаешь, я больше не пресвитер... Гундомар лишил меня паствы и сана своими тираническими законами и действиями. Зачем же мне теперь оставаться с вами? Пойми, я

знаю, куда поведёт вас Зигфрид, я был там с ним пару лет назад... Эти гёты и их конунг Будли... Они безнадежны. Они никогда не станут слушать меня и никогда не будут воспринимать меня всерьёз. Я не обладаю обаянием твоего отца, чтобы суметь завладеть сердцами гётов, как он, по происхождению руг, завладел сердцами бургундов — я всегда был его тенью... Предоставляю возможность побороться за наше учение Зигфриду, хотя, я сомневаюсь, что это всё ещё наше учение, чему он сейчас следует. Он стал другим, не тому его учил епископ Арий.

— Я отправлюсь с тобой! — снова прильнула к нему Эмма, развернула его усилием своих рук, и посмотрела прямо в глаза. — Я хочу отправиться с тобой!

Марвин сдержанно рассмеялся.

— Нет, давай-ка мы оставим эту затею, — он смахнул её руки со своих плеч. — Мой путь будет полон опасностей и тебе не место рядом со мной — я ведь не смогу защитить тебя так, как Зигфрид или Гизельгер. Возможно, это будет моё последнее путешествие и в живых я надолго не останусь. Возможно, меня вскоре уже ждёт смерть... Но ты должна жить. Или ты забыла об Ильдико? Я верно припомнил её имя? — и улыбнулся.

Во взгляде Эмма после этих слов Марвин прочитал стыдливость — неужто она и правда забыла о дочери и готова была пуститься с ним в путь?

— Но куда же ты пойдёшь? — с опущенной головой спросила она.

Марвин снова обернулся в даль, на Коззан, где-то отдалённо виднеющийся.

— Это касается твоей матери.

— Моей матери?! — вновь изумилась Эмма.

— Твоей матери... Всё дело в том, что не так давно отец твоего... Вы же ещё не поженились с принцем?

— Нет.

— Всё дело в том, что не так давно отец Гизельгера, твоего любимого, поведал Хагену некие тайны, в которые он не посвятил ни епископа Ария, ни меня, ни кого-то ещё, кроме своего бастарда. Он передал ему некий меч, что зовётся Бальмунг — это невероятно могучее оружие, сродни Нотунгу Зигфрида. Но главное другое.

Я подслушивал этот тайный разговор Гибки и Хагена в орденском общежитии Аскаукалеса несколько месяцев назад по приказу епископа. Он подозревал, что Гибика что-то скрывает от нас и его лично — как потом выяснилось, эти опасения подтвердились. Оказывается, Гибика не шибко-то каялся в своей похотливой связи с Уте, матерью Хагена, как не каялся он, очевидно, порочной связи с Фрейей... Насчёт последней я не уверен, но касательно Уте точно нет — не каялся, а это тягчайший грех, согласно нашей доктрине.

Впрочем, я сразу и не могу припомнить, что ещё я тогда слышал — было это уже довольно давно. Однако мы — со мной вместе шпионил ещё и Латосий, если мне не изменяет память — знаешь, когда посидишь взаперти в окружении собственного дерьма несколько недель — сознание может помутиться... Так вот, мы подслушивали вдвоём — дабы уже не возникало сомнений в том, что мы слышали, когда наши показания совпадут. Во всех рассказах, что мы пересказали епископу Арию, про карликов, совокупляющихся то с Фрейей, то ещё с кем, про совокупляющуюся Фрейю с то Фрейром, то с Гибикой, наконец, про совокупления Гибки с Уте, епископ смог усмотреть нечто такое, что как-то намекало на то, что твоя мать, Аллуйре, моя сестра, может быть жива... Я до сих пор сожалею, что не успел поговорить с епископом про это. Мы отложили этот разговор, так как было полно других забот, но он почил прежде, чем этот разговор случился. Я снова и снова ворочаю в памяти это диалог Гибки с Хагеном, но не могу зацепиться за ту ниточку, которая бы вела к надежде на то, что Аллуйре может быть жива... Однако это и не столь важно. Я знаю достаточно, где может обитать Фрейр-Фафнир, и я собираюсь нанести ему визит. Я попытаюсь освободить мою сестру и твою мать, Эмма...

— Но Фрейр убьёт тебя!

— Не исключено. Я же сам совсем недавно тебе об этом сказал.

— Но почему не обратиться за помощью к Зигфриду и остальным?

— Моя миссия сейчас будет совсем не кстати... Да и кто поведёт вас в безопасное место? Вернее, где безопасное место, как не за морем? И кто может поручиться за вас перед конунгом Будли, как не Зигфрид, который, с его же слов, его должник?.. Возможно, если я отправлюсь один, я буду иметь больше шансов на успех, чем если у меня будет сопровождающий.

Они умолкли. Так и продолжали они молчать, обдумывая сказанное и услышанное.

— Сюда кто-то идёт, — нарушил тишину и покой Марвин, длящуюся примерно минуту, усмотрев впереди пару людскую.

Эмма подняла голову на мирно бредущих к ним людей.

— Это Амалия, — снова подал голос Марвин, когда путники подошли достаточно близко. — Она в сопровождении Фолькера!

Они шли в их направлении и улыбались — Марвин хорошо помнил эту улыбку, украшающую лица молодых. Он снова вспомнил молодого себя и такую же молодую Кили... Но думать об этом не было времени.

— Эмма, — снова обернулся он к своей племяннице, — пожалуйста, помни, о чём я просил. Никому ни слова... — приложил он указательный палец к своим губам.

— Хорошо, дядя. Из любви к тебе я сдержу твою тайну...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.